

С176Г

Из книг А. В. Вильямса
1937. № 12

СПбГУ

Слбгу

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПАНКРАТІЯ СУМАРОКОВА.

Va subir du public les jugemens fantasques,
Chercher en vain quelqu'un d'humeur à l'admirer,
Et trouver tout le monde actif à censurer!
Vas des auteurs sans nom grossir la foule obscure,
Egayer la Satire

La Métromanie, acte III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛЮШАРА.

1832.

Обл. № 2129

ПРОВЕРКА
2007

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Апрѣля
19 дня 1852 года.

Ценсоръ П. Глевскій.

54448

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. Гумилова

611 2129
ар

ПОЧТЕННѢЙШЕМУ
РУССКОМУ
ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

Слбгу

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Книга, которую неизвестный книгомаратель вздумалъ украсить Именемъ Вашимъ — Именемъ столь любезнымъ Россійскимъ Музамъ — такое точно приращеніе сдѣлаетъ Вашей славы, какое полушка сокровищамъ Великаго могола. — Но я отнюдь не такъ гордъ, чтобъ, посвящая Вамъ маловажныя произведенія слабаго моего пера, думалъ польстить Вашему самолюбію; я желалъ единственно изъяснить Вамъ мою благодарность за несравненное удовольствіе, причиненное мнѣ чтеніемъ неподобныхъ Вашихъ сочиненій, которыя скромности Вашей угодно было назвать Бездѣлками.

Творецъ Аглаи, бѣдной Лизы,
 И множества другихъ
 Бездѣлокъ милыхъ таковыхъ!
 Мнѣ кажется, весна съ своей небесной ризы
 Богатства райскія вѣсь сыпала на нихъ —
 Толико прелесть ихъ безмѣрна!
 Скажи жь мнѣ, гдѣ нашелъ секретъ Ты такъ пи-
 сать,
 Что послѣ Геснера, Руссо, Грессета, Стерна,
 Съ восторгомъ лѣзя Тебя читать?

Удостоите, Милостивый Государь! бла-
 госклонно принять сію, хотя слабую, но
 безкорыстную и чистосердечнѣйшую жертву
 того истиннаго почтенія и преданности, съ
 коими я за честь себѣ поставляю называться
 Вашимъ,

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

нижайшимъ слугою

П. С.

Ж И З Н Ъ

П. П. СУМАРОВА.

Панкрацій Плапоновичъ Сумароковъ родился 1765 года, Октября 14-го, во Владимірѣ. Предки Сумарокова сдѣлались извѣстны у насъ со времени Петра Великаго, и одинъ изъ нихъ доказалъ еще въ то время преданность свою къ Царю, поспрадавъ за него какъ мученикъ; другой, въ эпоху ближайшую къ намъ, пользовался также милостию Государей и славою извѣстнаго Липерапора, — но ему гошовилась другая участь, и несчастія, казалось, надъ самой колыбелію его начали собирать шучу, кошорая въ послѣдствіи такъ грозно надъ нимъ разразилась.

II. Сумароковъ былъ еще въ младенческомъ возрастѣ, когда родителъ его лишился разсудка. Эпопть ударъ, сильно поразившій мать Сумарокова, заставилъ ее возвратиться со всѣмъ семействомъ въ свою деревню, въ Тульскую Губернію, гдѣ она однакожь не въ силахъ была заниматься воспитаніемъ дѣтей. Тамъ жилъ Сумароковъ до 12 лѣтъ, не зная ничего, кромѣ часослова и псалтыря, кѣпорѣй старѣй слуга преподавалъ ему. Наконецъ родственники вошли въ положеніе разсвоеннаго семейства: Сумарокова отвезли въ Москву; И. П. Юшковъ принялъ его къ себѣ въ домъ и доставилъ ему воспитаніе вмѣстѣ съ сыномъ своимъ.

Въ то время Французскіе гувернеры вспрѣчались въ Россіи рѣже, нежели теперь. Не всякій имѣлъ ихъ, и одни богатые люди позволяли себѣ эту роскошь; почему многіе дворяне, — даже жители Москвы, — просили Юшкова, чтобы онъ позволилъ дѣтямъ ихъ пользоваться уроками живущаго у него Француза. — Не знаю точно, опть того ли, что тогда были осматривельные въ выборѣ иностранныхъ учителей, или проспо опть слѣднаго случая, только Monsieur Perlo оправдывалъ въ полной мѣрѣ принадлежащее ему званіе наставника, потому что былъ

человѣкъ умный, съ большими познаніями и прекрасными правилами. Онъ скоро полюбилъ Сумарокова больше всѣхъ учениковъ своихъ, за рѣдкое повяшіе, прилежаніе, психій характеръ, и даже часно говорилъ про него: »Онъ слишкомъ психъ, слишкомъ благоразумень. Я не видалъ ошъ него ни малѣйшей шалоспи, свойспвенной его возраспу; но за шо боюсь, какъ бы онъ со временемъ не сдѣлалъ какую нибудь *качанную* глупоспъ (*sottise rommée*).« — Слова добраго Француза сбѣлись въ самомъ дѣлѣ!

Сумароковъ съ жадносцію пользовался преподаваемыми ему уроками, и первый изъ всѣхъ своихъ поварищей могъ служипъ переводчикомъ между учипелемъ Юшковымъ, копорый не зная Французскаго языка любилъ однако же съ нимъ побесѣдовать. Эшо очень нравилась обоимъ, и они спавили въ примѣръ другимъ ученикамъ Сумарокова, копорый съ каждымъ днемъ болѣе оправдывалъ хорошее о себѣ мнѣніе. Въ продолженіе чепырехъ лѣпъ, проведенныхъ имъ у своего родспвенника, онъ узналъ совершенно Французскій языкъ и могъ на немъ изьясняпъся и писапъ также легко и свободно, какъ на природномъ; а съ помощію другихъ учипелей, вѣдвшихъ къ Юшкову, съ помощію книгъ и соб-

спивеннаго прилежанія не менѣе успѣлъ и въ прочихъ предметяхъ.

Тогда опшвели его въ Пешербургъ и записали Лейбъ-Гвардіи въ Конный полкъ. Но служба не мѣшала ему заниматьса науками: онъ учился Итальянскому и Нѣмецкому языкамъ, музыкѣ, рисованью, и самъ спарался довершишь свое воспитаніе. Между шѣмъ его произвели вахмиспромъ, а вскорѣ послѣ того и Офицеромъ въ шопъ же полкъ (въ 1785). Получивъ въ 19 лѣтъ чинъ Гвардейскаго Офицера — шпо въ шо время очень много значило — любимый своими Начальниками и поварищами, съ привлекашельной наружношю, большими способношями и познаніями — онъ, кажешся, могъ ожидать блисшашельной будущноши; но своенравная судьба, кошпорая шакъ часшо играешъ смершными, передѣлала все по своему.

Давно уже знаемъ мы, какъ молодые люди должны бышь ошпорожны въ выборѣ знакомшвъ своихъ и какъ дурное общешво для нихъ гибельно, а шеперь увидимъ еще шому доказашельшво, и доказашельшво самое разишельное. — Брошеный въ вихрь свѣша, оспавленный въ 17 лѣтъ дѣйшвовашъ по свободной своей вошъ, — Сумароковъ упошреблялъ однако же время свое,

какъ мы уже сказали, съ пользою, и не увлекся ни однимъ изъ пороковъ, свойственныхъ бурнымъ спрасямъ юности; но къ несчастію, познакомился слишкомъ коропко съ однимъ сослуживцемъ своимъ N..., которьй не могъ бытъ ему пріятелемъ ни по характеру своему, ни по образу мыслей, но обстоятельствомъ сблизили ихъ, такъ какъ унтеръ-офицеровъ одного полка. Сверхъ того Сумароковъ былъ изъ числа такихъ людей, которые не умѣютъ показатъ непріятнаго вида даже и шѣмъ, кому они совсѣмъ не рады; а пріятель его имѣлъ искусство впирашся и поддѣльваться ко всякому. Посѣщенія его, сначала рѣдкія, сбдлались мало по малу чаще, и наконецъ онъ совсѣмъ почти переселился въ квартиру своего поварища, находя, можетъ бытъ, гораздо болѣе удовольствія въ обѣдахъ и ужинахъ на чужой счетъ, нежели въ разговорахъ съ нимъ. Онъ часно воспавалъ пропивъ просвѣщенія — или въ самомъ дѣлѣ не поспигая пользы его, или изъ одного только пустословія; Сумароковъ спарался доказать ему пропивное и забавлялся иногда нелѣпыми его выходками. Зная бѣдность N. . . . онъ съ удовольствіемъ дѣлилъ съ нимъ споль свой, и хотя замѣчалъ въ немъ вѣпрность,

а можетъ быть и не слишкомъ чистыя правила; но по добротѣ своей не хотѣлъ разорвать знакомства съ поварихою, и надѣясь на себя, ни какъ не воображалъ, чтобы пустыя слова такого человѣка могли быть для него опасны. Въ самомъ дѣлѣ, они не поколебали образа его мыслей и спротивъ понятій о чести; но не мѣняе того, по какому поспранному вліянію судьбы, были причиною его несчастія.

Осенью, — въ шопъ годъ, когда его произвели въ Офицеры, онъ, бывши на службѣ, просидѣлся и нѣсколько дней долженъ былъ просидѣть въ своей комнапѣ. Ему не было скучно: онъ прекрасно рисовалъ, особливо перомъ, и это искусство доставляло ему пріятное занятіе. Въ одно утро, когда онъ сидѣлъ обложенный эспампами и рисунками, Н. . . . вошелъ къ нему и, по обыкновенію началъ шушпть надъ его занятіями: — «Что за спрашь, сказалъ онъ, марай бумагу и поршишь глаза? Это двойной убышокъ.»

— «Напрошивъ, отвѣчалъ Сумароковъ, рисованье одушевляетъ бумагу и придаетъ ей цѣну; а сверхъ того избавляетъ меня отъ скуки: слѣдовательно шушь двойная польза.»

— «У себя на все есть доказательство; одна-

ко жъ я знаю, что за бумагу ты платишь деньги, а за рисунки свои не получилъ еще ни гроша. Что же касаешься до скуки, то ее можно бы прогнать и каршами.»

Между тѣмъ какъ они разговаривали, вошелъ человекъ просить денегъ на покупку провизіи. Сумароковъ доспалъ книжку, въ которой было нѣсколько ассигнацій, и далъ ему одну изъ нихъ.

— «Вопъ сказалъ Н... если бы ты рисовалъ ассигнаціи, тогда бы точно придавалъ цѣну бумагъ, и я бы согласился, что ты дѣлаешь дѣло.»

— «Согласись лучше, что ты врешь; и я бы не совѣщывалъ тебѣ говорить такія глупости.»

— «По чему же? — вѣдь не все то дѣлаешься, что говоришься. Это одна только шушка, а за шушку вѣрно бѣды бы не было, если бы даже ктонибудь и услышалъ насъ.»

— «Съ этимъ я согласенъ. Только нельзя ли оставить эту шушку и выбрать другую, которая была бы не много поумнѣе.»

— «Не вѣдъ же бышь такимъ умникамъ, какъ ты. Но я готовъ биться объ закладъ, что не смотря на весь свой умъ и ученость, у тебя не доспанеть искусства нарисовать ассигнацію.»

— «Во первыхъ я не спану дѣлать шакого опыта, а во впорыхъ скажу тебѣ, что если быкъ намъ пришелъ и самъ Рафаель, такъ и пошь бы не взялся за это, потому что шупъ нужны инструмены, а не рисовальное искусство.»

— «Вѣдь я не говорю, чтобы ты сдѣлалъ насъ стоящую ассигнацію, а по крайней мѣрѣ что нубудъ похожее на нее.»

— «Похожее ты сдѣлать очень легко,» сказалъ Сумароковъ, оспавляя рисунокъ свой и взявъ ассигнацію изъ рукъ Н...., копорый начиналъ уже надѣлать ему. — «даже такъ можно нарисовать,» прибавилъ онъ шупя, «что шакой дуракъ, какъ ты, сочтешь ее съ перваго взгляда за насъ стоящую.»

— «Полно хвастать, гдѣ тебѣ! — Однако жъ желалъ бы я это видѣть, и тогда бы почно согласился, что ты мастеръ рисовать.»

Такъ, или почти такъ, продолжался разговоръ ихъ до самаго завшпрака, послѣ котораго молодые люди разспались.

Оспавшись одинъ, Сумароковъ принялся ошпять за работу и вспомнилъ слова Н.... Пагубная мысль сверкнула въ голову его: онъ досталъ 100 рублевую ассигнацію, вырѣзалъ по ней поенькую бумажку, какой обыкновенно перекла-

дываюшя эспамшы, и началъ ее срисовываць, желая доказаць своему поварищу, чшо это не шакъ мудрено, какъ онъ думаешъ. — Убъждашь глушца въ искусствѣ своемъ, даже и средспвами позволипельными, еспь конечно дѣло нѣсколько безразсудное и не спюющее шруда; но:

Кто сколько мудростью ни знатенъ,
А всякій человекъ есть ложь!

И особливо въ 19 лѣшъ... Припомъ же Сумароковъ намъренъ былъ показаць Н... ассигнацію, или правильнѣе сказаць рисунокъ свой, въ шу же минушу сжечь его, и ни какъ не воображалъ заплашиць шакъ дорого за пошупокъ необдуманнѣй, но невиннѣй.

Роковая ассигнація была гопова. На дворъ начинало смеркашя. Н... опяшь зашелъ къ Сумарокову и пошъ показаль ему ассигнацію.

— «Не ужшо это шы нарисоваль?» спросиль Н... подойдя къ окну и разсмашривая ее съ удивленіемъ.

— «Нашурально. Слова швои подспрекнули мое самолюбіе, и я хопгьль доказаць шебъ свое искусство.»

— «Признаюсь, я опъ шебя не ожидаль эшаго; и шеперь согласенъ, чшо шы большой масперъ рисоваць.»

— «Спало бышь дѣло кончено. Подай же ее сюда; мы сей часъ велимъ зажечь свѣчу и раскуримъ ею трубку.» —

— «Нѣшь, брашець, позволь мнѣ ее разсмощрьшь хорошенько на дворѣ: памъ свѣшлѣе, а здѣсь шакъ шемно, чшо я почши ничего не вижу!»... и не дожидаясь опвѣша, N... выбѣжалъ изъ комнашы.

Проходишь пяшь минушь онъ не возвращается. Эшо начинаеть безпокоишь Сумарокова. Онъ посылаеть челоувка на крыльцо, на дворъ, за вороша, не знаеть, чшо думаешь, не знаеть чшо дѣлаешь. Проходишь полчаса — N... все нѣшь, Сумароковъ приходишь въ совершенное опчаяніе: мрачное предчувствіе и смертельная поска овладѣли имъ. Наконецъ часовъ въ восемь вечера, предапель являеться завернушый въ лисій мѣхъ. Сумароковъ содрогнулся, увидя на немъ эшу обнову, и съ безпокойствомъ спросилъ гдѣ онъ взялъ ее.

— «Не правду ли я говорилъ,» опвѣчалъ N... засмѣявшись, «чшо гораздо выгоднѣе рисовать ассигнаціи, чѣмъ карпинки...» Тушь онъ разсказалъ, чшо былъ въ госпиномъ дворѣ, гдѣ купивъ лисій мѣхъ, воспользовался шемнопою лавки, и опдалъ за него ассигнацію, копорая

была нарисована совсѣмъ не для шакого употребленія.

Легко можно предсавишь весь ужасъ и негодованіе Сумарокова, объявшіе его послѣ эпихъ словъ. Онъ бранилъ его за предапельство, доказывалъ всю мерзость его поспунка, заклиналъ сказаць, въ какой лавкѣ сдѣлалъ онъ несчастную покупку, и давалъ деньги, желая выкупить роковое доказательство своего неблагоразумія; но на того ничто не дѣйствовало. N. . . говорилъ, что во первыхъ этого ни какъ не возможно сдѣлать въ то время, попому, что лавка была уже заперта, а во вторыхъ увѣрялъ, что это совсѣмъ и не нужно: что дѣло сошло съ рукъ, и что бояться было нѣчего. Наконецъ наскучивъ упреками своего поварища, онъ ушелъ, оставивъ его въ смертельномъ покоѣствѣ. —

Проведя ужасную ночь, Сумароковъ, который все еще не въ силахъ былъ выйти изъ комнаты, послалъ на другой день за N. . . — также однимъ изъ сослуживцевъ своихъ и пріятелей, рассказалъ ему все и просилъ его содѣлать. Они опъискали N. . . . и вдвоемъ начали опять уговаривать, чтобы онъ выкупилъ ассигнацію, или по крайней мѣрѣ показалъ лав-

ку, въ кошорой опдалъ ее; но Н. . . не хотѣлъ сдѣлать ни того ни другаго. Онъ боялся показаться купцу, котораго обманулъ, воображая, что изъ того могутъ выдти дурныя послѣдствія, и что въ такомъ случаѣ вся бѣда оборвется на немъ, и доказывалъ, что гораздо безопаснѣе для всѣхъ оставить это дѣло, по тому что купецъ вѣрно не можетъ шеперь опыскашь: кпо ему далъ ассигнацію, и что слѣдственнно поспупокъ его никогда не обнаружится. —

Видя непреклонность Н. . . Сумарокову только оставалось донести обо всемъ, и тогда бы, можетъ быть, наказаніе его кончилось нѣсколькими днями ареста. Но какъ доносишь на товарища! Въ 19 лѣтъ всѣ, или почти всѣ, имѣютъ слишкомъ ложное понятіе о чести; и многіе бы на мѣстѣ Сумарокова сочли за грѣхъ передать правосудію сослуживца, хотя бы онъ и спойлъ того. И такъ не будемъ спрого судить его за это упущеніе, происшедшее отъ добропы сердца и ложныхъ правилъ молодости.

Нѣсколько дней прошло въ перъшимости и безпокойствѣ; но наконецъ безопасность юности и время уменьшили первый ужасъ. Тайна

оспалась между проими, и казалось, въ самомъ дѣлѣ нельзя было опасаться, чпобъ она когда либо опкрылась.

Купецъ, продавши мѣхъ, пошчасъ по выхоть Н. . . заперъ лавку, и ассигнація, копорую онъ положилъ въ ящикъ, оспалась на верху прочихъ денегъ, полученныхъ имъ за продажу шого дня. Мы уже сказали, чпо въ шое время одна шолько шемнопа не позволила ему разсмотрѣшь хорошенъко эшу ассигнацію; но на другой день напурально какъ лежащая сверху она первая попалась ему въ руки, и онъ въ шу же минушу увидѣлъ ошибку свою. Тогда спо рублей соспавляли кушь довольно значительный, и пошому шое, можетъ бышь, купецъ хорошо помнилъ, чпо получилъ ихъ опъ послѣдняго покупщика своего, физіономія копораго, и безъ шого нѣсколько замѣчательная, еще болѣе врѣзалась въ его памяши по эшому случаю. Но чпо было дѣлать? Гдѣ искать виноватаго? Н. . . покупалъ мѣхъ въ паршикулярномъ плашьѣ. Купецъ на вѣрно зналъ, чпо обманщикъ не поидеть въ другой разъ въ его лавку. Однако жъ онъ спряшалъ бѣдспвенную ассигнацію, хотя и счпшалъ пошерю свою невозвратимой,

дѣло совсѣмъ уже конченнымъ. — Сльпой случай доказаль пому пропивное.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ эпаго происшествія , N. . . копорый и сначала , не смопря на всѣ увѣщанія поварищей , очень мало забошился о сдѣланной имъ глупоспи ; а въ послѣдствіи еще болѣе спокойный , шелъ безопасно по улицѣ , и вдругъ , на поворотѣ выходя изъ за угла сполкнулся носъ съ носомъ съ обманушимъ имъ купцомъ . Тотъ оспанавливаея , всмаприваея , узнаея его , кричитъ карауль ; а успрашенный N. . . . шакже узнавшій купца , пускаея бѣжаы . Его схваываюы , спрашиваюы что онъ шакой и ведуы къ Михельсону , копорый въ шо время командоваль Конногвардейскимъ полкомъ . Тамъ онъ во всемъ признался . Поелали за Сумароковымъ и N. . . . они подшвердили сказанное и ихъ всѣхъ проихъ посадили на гаупшвахшу .

Сльдспвіе началось законнымъ порядкомъ : всѣ бумаги ареспанповъ были забраны , пересмопрѣны , переписаны ; но въ нихъ не нашлось ничего шакого , что могло бы увеличить неумышленное преспуленіе Сумарокова , и по всѣмъ соображеніямъ , справкамъ и допросамъ оказалось , что дѣло происходило почно шакъ ,

какъ мы уже его описали. Всѣ члены Военнаго Суда, наряженнаго по этому случаю, обвинили одного Н. . . и сожалѣли о двухъ другихъ несчастныхъ своихъ товарищахъ. Но зла поправиль было невозможно, и дѣло пошло на разсмотрѣніе къ ИМПЕРАТРИЦѢ.

Екатерина Великая, сколько же милосердая, сколько и правосудная, не могла однако же въ такомъ случаѣ поступить слишкомъ снисходительно. Пресупленіе Сумарокова, само по себѣ неумышленное и ничего не значущее, стало пресупленіемъ Государственнымъ по употребленію, которое изъ него сдѣлалъ Н. . . . Мало ли могло бы сыскаться людей которые можешь быть вздумали бы употребить во зло милость оказанную Сумарокову? А благоцѣлаго Государства должно быть предпочтено счастью одного человѣка — это аксіома; и потому не будемъ удивляться строгому приговору Монархини, всегда крошкой и премудрой. Можешь быть даже, что и самое дѣло предсказали Ей ни въ помѣ видѣ. . . . (*) Но какъ бы то ни было, только всѣхъ шрехъ подсудимыхъ ли-

(*) Въ бумагахъ Сумарокова нашлись сатирическіе стихи, которые, какъ должно думать, вооружили противъ него нѣкоторыхъ Начальниковъ.

шивъ чиновъ и дворянства, сослали въ Сибирь (въ началъ 1786) N. . . . какъ, истиннаго пресупника; Сумарокова, какъ орудіе, служившее къ его пресупленію; а N. . . за то, что онъ зналъ обо всемъ и не донесъ. —

Эта исторія надѣлала много шума въ Петербургъ. Всѣ жалѣли о Сумароковѣ, и даже носился слухъ будто онъ сосланъ не болѣе какъ на три года, и что по истеченіи этого времени его возвращать опять. Но или слухъ этотъ былъ несправедливъ, или можетъ быть вскорѣ открывшаяся война со Шведами и другія важныя обстоятельства заставили Императрицу забыть о немъ — только пророчество не сбылось, и онъ провелъ въ Сибири, вмѣсто трехъ лѣтъ, пятнадцать.

Мѣстопробываніемъ Сумарокова былъ назначенъ Тобольскъ. Поперявъ свѣтлыя надежды юности, съ опчаяніемъ души вѣхалъ онъ туда; но между тѣмъ нашелъ тамъ людей, которые умѣли оценить его умъ и дарованія, умѣли отличить пресупокъ молодости отъ насмѣхаго пресупленія и не дали ему почувствовать всей тягости несчастія. Въ это время былъ Губернаторомъ въ Тобольскѣ Александръ Васильевичъ Алябьевъ. Предупрежденный молвою и добро-

пой своего сердца, эноптъ почпенный челоуькъ
принялъ Сумарокова не шакъ, какъ сосланнаго за
вину, но какъ спранника, кошораго однѣ поль-
ко бѣдспвія завлекли въ край опдаленной. Онѣ
полюбиль несчастнаго, какъ сына, и всячески
спарался облегчить его учаспъ. Сверхъ шого
Сумароковѣ нашель и въ Сибири пріятное об-
щеспво, умныхъ людей, книги—и скоро увидѣль,
чшо не всѣ еще радости жизни для него исчезли.

Несчаспие очень часпо развиваетъ шаланпы,
а нужда почши всегда бываетъ лучшимъ нашимъ
учишелемъ. Сумароковѣ видя, чшо карьерѣ его
по службѣ былъ конченъ, не захопѣль однако жѣ
оспашься совершенно бесполезнымъ опечеспву.
Тамѣ шо вспушилъ онѣ на липературное по-
прище, и пріобрѣль шѣ обширныя познанія, ко-
порыхъ, можешѣ бышѣ, никогда бы не имѣль
безѣ шого.

Черезъ шри года послѣ прибышія своего въ Го-
больскѣ, онѣ женился (въ 1789). Супруга его
получившая шакже очень хорошее воспитаніе,
хоща и могла веспи жизнь независимую, но не
смошря на шо, рѣшилась раздѣлишѣ учаспъ чело-
уька, кошораго цѣнила не по обспояшельспвамъ,
а по личнымъ доспоинспвамъ, — зная чшо положе-
ніе его унизишельно шолько въ глазахъ пред-

разсудка. Между шѣмъ съ женидьбою Сумарокова увеличались и его попребности. Онъ получалъ изъ дому пособіе очень незначипельное: одному можно было прожить имъ, для двоихъ оно сдѣлалось недоспапочно, и это заспавило его завеспи пансіонъ.

Сначала учениковъ у него было не много, и пашпы, получаемой имъ, едва доспавало для содержанія себя и услуги; но скоро успѣхи его воспитанниковъ и разнообразіе предменповъ, кошорые онъ преподавалъ имъ обрапмили на себя всеобщее вниманіе въ краю, погда еще слишкомъ далькомъ отъ просвѣщенія. Генераль Боуверъ, командовавший линейными войсками и жившій въ Пешропавловской крѣпости, услышалъ о шомъ. Онъ прислалъ въ Тобольскъ нарочнога, желая ввѣришь Сумарокову воспитаніе дѣпей своихъ. Условія Генерала были выгодны и Сумароковъ, испросивъ позволеніе у Губернашора, опсправился въ Пешропавловскую крѣпость.

Тамъ доходъ его удвоился; но ппжельый климашъ и другія обспояпельспва не позволили ему долго прожить въ крѣпости. Чрезъ два года онъ оппашъ возврапился въ Тобольскъ. Зеленцовъ, богашный Верхошурскій купецъ, имѣвшій

большое семейство, очень обрадовался его возвращению. Эпопъ Зеленцовъ былъ человѣкъ умный опъ природы. Онъ не имѣлъ предразсудковъ свойственныхъ въ тогдашнее время людямъ его класса, зналъ, что воспитаніе есть лучшее наслѣдство, которое только родители могутъ оставить дѣтямъ своимъ и умѣлъ оценить таланты Сумарокова; который не пощадилъ за то ни трудовъ своихъ, ни познаній для дѣтей Зеленцова, ввѣренныхъ его попеченію. Въ послѣдствіи, когда одинъ изъ нихъ пріѣхалъ въ Петербургъ, ни кто не хотѣлъ вѣрить, чтобы молодой человѣкъ могъ пріобрѣсти сколько свѣдѣній не выѣзжая изъ Сибири; а еще болѣе удивлялись тому, что у него былъ одинъ только учитель (*).

Зеленцовъ жилъ въ Верхотурьѣ, куда А. В. Алябьевъ, также какъ и въ крѣпость, позволилъ ѣхать Сумарокову. — Потомъ онъ переселился въ Тобольскъ и тамъ уже Сумароковъ оспался постоянно до самаго своего возвраще-

(*) Александръ Алексѣевичъ Зеленцовъ, о которомъ говорю я здѣсь, самъ писалъ это изъ Петербурга, изъявляя благодарность своему наставнику. — Братъ его, Капитонъ Алексѣевичъ, извѣстный публикѣ прекраснымъ талантомъ своимъ въ живописи, также сначала учился у Сумарокова.

нія въ Россію. Зеленцовъ наннмалъ для него спокойную кварширу и, кромѣ плашы, доставлялъ все нужное содержаніе. Сверхъ того онъ имѣлъ еще другихъ учениковъ, и получалъ очень хорошій доходъ, что въ послѣдствіи доставило ему способъ купить собственнѣй домъ, собрать небольшую библіотеку и кабинетъ минераловъ. — Дмитрій Родіоновичъ Кошелевъ, новый Губернаторъ, смѣнившій Алябьева, былъ также хорошо расположенъ къ нему, и онъ, любимый и уважаемый всеми жителями Тобольска, занимаясь науками и литературой, провелъ послѣдніе годы пребыванія своего въ Сибири очень пріятно.

Тамъ Сумароковъ издавалъ журналъ *Иртышъ превращающійся въ Инокрену*, въ 1791 году, вмѣстѣ если не ошибаюсь съ И. И. Бахтиннымъ, который былъ Прокуроромъ въ Тобольскѣ, и Воскресенскимъ, учителемъ памошней Гимназіи. — Въ 1793 и 94 годахъ онъ издалъ: *Библіотеку ученую, экономическую, правоучительную, историческую и увеселительную*, которая состояла 12 томовъ (1); а въ 1799 первую часть своихъ стихопвореній (2).

(1) А. В. Алябьевъ купилъ эту книгу за 1000 руб. на счетъ Тобольскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, напечаталъ

Но не смотря на всѣ эти занятія, не смотря на всѣ эти связи и знакомства, копорыя сдѣлалъ онъ въ Tobольскѣ, давно ославленная родина все мечпалась невинному изгнаннику и желаніе оныпъ увидѣть ее, оныпъ возвраппшь прежнія права свои—волновала его душу. АЛЕКСАНДРЪ I воцарился. Сумароковъ написалъ просительное письмо на Высочайшее имя, и съ помощію одного почтеннаго родственника, упо-пребившаго свое ходатайство предъ лицомъ милосерднаго Монарха—въ 1801 году получилъ прощеніе. —

Возвраппвшись въ Россію, онъ поселился въ деревнѣ своей, въ Тульской Губерніи и продол-

се, разослалъ для продажи по всѣмъ Сибирскимъ городамъ, и она кромѣ удовольствія, доставила читателямъ много пользы. Въ статьѣ *экономической*, между прочимъ, былъ помѣщенъ рецептъ лекарства отъ лихорадки, въ то время еще мало извѣстнаго. Желтая лихорадка свирѣпствовала тогда въ Якутскѣ. Тамошній Комендантъ Козловъ-Угренинъ употребилъ это средство съ большимъ успѣхомъ, и изъявилъ благодарность всѣхъ жителей Якутска письмомъ къ издателю, которое и напечатано въ той же библиотекѣ. Эта книга расположена въ родѣ періодическаго изданія; каждая часть раздѣлена на статьи упомянутыя въ оглавленіи.—Кажется она совершенно неизвѣстна нашимъ библиографамъ.

(2) Около этого же времени посѣтилъ его извѣстный Нѣмецкій писатель Коцебу, который, возвращаясь изъ Сибири, проѣзжалъ чрезъ Tobольскъ и провелъ у Сумарокова цѣлый вечеръ.

жалъ занимашся липературой. Въ 1805 году издавалъ *Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія*. Въ 1804 началъ было издавать *Вѣстникъ Европы*, (*) но не имѣя соспрудниковъ, и по жипельспву своему въ деревнѣ заспрудняясь полученіемъ нужныхъ маперіяловъ, изнурилъ себя неумѣренной работою, занемогъ и бросилъ все. Въ 1807 году онъ издалъ вшорую часпъ своихъ спихошвореній, и съ тѣхъ поръ уже не писалъ болѣе спиховъ, а только соспавлялъ экономическія и врачевныя книги, и переводилъ романы; въ 1808 году онъ издалъ *Источникъ здравія*, въ 1809 *Способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ*. Послѣ шого собиралъ еще *Медико-Хирургическій магазинъ*, кошораго не успѣлъ однако же выдать въ свѣспъ. Изъ романовъ онъ перевелъ: *Вильволя фонъ Сотенбургъ*, Пиго ле Брюна, и опдалъ его въ цензуру, гдѣ, въ 1812 году, рукопись заперялась, и романъ не былъ напечатанъ. Первая часпъ *Бота*, кошораго онъ шакже переводилъ, подверглась шой же учаспи; вшорая сохранилась

(*) Сумароковъ пользовался личнымъ знакомствомъ Н. М. Карамзина, и принялъ на себя изданіе *Вѣстника Европы* по его желанію.

въ рукописи, а двѣ послѣднія оспались не переведены.

Между тѣмъ, желая успроишь усадьбу свою, которую нашель въ величайшемъ безпорядкѣ, Сумароковъ поразспроилъ свои обспояншельспва. Спараясь поправишь ихъ, онъ завель лазорную фабрику, суричную, попашную и еще нѣкопорья другія. Всѣ эти заведенія засправили его познакомишься съ Химіей, къ которой онъ совершенно приспрасшился, и въ послѣдспвіи химическіе опыты соспавляли любимое его занятіе. Нѣкопорые изъ нихъ были удачны; но дѣла его все еще медленно поправлялись, попому что онъ не имѣль дѣяпельносспи, нужной для коммерческихъ оборосовъ. Взавъ какую нибудь пріятную книгу, онъ забываль съ ней и дѣла свои и заводы; а бесѣдуя съ Шаншалемъ или Лавуазье, лежа на диванѣ, и любя прилагать теорію ихъ къ пракпикѣ въ своей лабораторіи, не обращаль почти ни какого вниманія на хозяйспвенную часть своихъ заведеній. Не смощря на то лазорный заводъ приносиль ему порядочную прибыль. Книга: *Способъ быть здоровымъ*, также хорошо расходилась; но 12 годъ уничпожиль все на число: краски, опсправленные для продажи въ Москву, сгорѣли, а съ тѣмъ вмѣстѣ и

всѣ оставшіеся экзэмпляры книги, чпо соспавило убышокъ очень значительный.

Сумароковъ перенесъ эту пошерю довольно равнодушно; но шущь ужъ дѣла его совершенно распроились. Всѣ заведенія оспановились и пущишь ихъ въ ходъ было почти невозможно. Онъ много задолжалъ, не имѣлъ средствъ сдѣлать никакого оборота: думалъ, безпокоился и это, можетъ быть, ускорило преждевременную кончину его. Въ 1813 году онъ занемогъ, и въ началъ болѣзни пренебрегалъ ею. Въ послѣдствіи открылась у него водяная, къ ней присоединилась ипохондрія; пособія Медицины были употреблены напрасно и онъ кончилъ жизнь 1814 года Марша 1-го, на 49 году опъ рожденія.

Онъ былъ сложенія сыраго и флегматическаго; но имѣлъ чувствительную душу, умъ живой, тонкой и насмѣшливой. Въ обществѣ сначала бывалъ молчаливъ и угрюмъ; но разговорившись, оспановился пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ. Анекдоты, шутки, оспрые слова лились у него рѣкой и каждый слушалъ его съ удовольствіемъ. Происшествіе ничего незначущее, случай самый протпой, онъ умѣлъ сдѣлать занимательнымъ, рассказать о немъ пріятно; во

всемъ масперски опыскивалъ смѣшную спорону и выславлялъ ее самымъ забавнымъ образомъ. Всѣ знакомые чрезвычайно любили его, попому чпо онъ, при всей своей склонности къ насмѣшкѣ, былъ добръ, какъ нельзя больше, и въ жизнь свою ни кому не сдѣлалъ зла, а добро многимъ. Кроме Французскаго языка зналъ онъ также Нѣмецкій, Испальянскій и Лапинскій; былъ хорошій музыкантъ и прекрасно игралъ на скрыпкѣ и фортепiano. — Возвратившись въ Россію, Сумароковъ не хопѣлъ уже искашь счастія по службѣ; но въ 1807 году находился однако же въ милиціи. — Последнимъ прудомъ его былъ переводъ: *Разговоръ о Химіи*, Лавуазье, копораго онъ не успѣлъ уже кончить.

Я писалъ жизнь П. Сумарокова, какъ Историкъ; но по многимъ причинамъ не принялъ на себя обязанности бышь его Крипикомъ, и говоря о немъ, какъ о чловѣкѣ, не судилъ о липературныхъ прудахъ его, хотя и знаю, чпо это было бы не лишнее. Творенія Сумарокова давно уже извѣсны публикѣ; но они изданы въ такое время, когда еще свѣпильникъ Крипики слишкомъ слабо озарялъ темное поле нашей словесности. Моженъ бышь шеперь, впорое изданіе книги заспавишь людей просвѣщенныхъ

и благонамѣренныхъ разобрать подробнѣе достоинства и недоспапки ея сочинителя, и указать на то мѣсто, которое онъ долженъ занимать между нашими Поэтами. —

СПбГу

С К А З К И.

СП6ГУ

АЛЬНАСКАРЪ.

Б Ы Л Ь.

Quel esprit ne bat la campagne?
Qui ne fait châteaux en Espagne?

.....
Autant les sages que les fous :
Chacun songe en veillant, il n'est rien de si doux.

LA FONTAINE.

На сивомъ Октябрѣ верхомъ
Борей угрюмый подѣзжаетъ;
Сибирскихъ жителей (*) въ тулупы наряжаетъ;
Зефировъ гонитъ голикомъ;
Опустошая царство Флоры,
На стеклахъ пишетъ онъ узоры.

(*) Сія піеса сочинена въ Сибири.

Мухъ въ щели, птицъ въ кусты, звѣрей же гонить
въ норы.

Съ бровей на землю онъ стрясаетъ снѣжны горы;
Въ рукъ его блеститъ та хладная коса,
Которой листьевъ онъ лишаетъ дрѣвеса.
Грозитъ покрыть Иртышъ алмазною корою
И пудритъ мерзлою мукою
Сосновы черныя лѣса.

Въ Сибири чѣмъ убить такое скушно время?
Велимъ-ка дровъ припестъ беремя:
Затопимъ камелекъ,
Разложимъ алипкой трескучій огонекъ,
Сорокаградусны забудемъ здѣшни хлады;

А я,

Скажу вамъ сказочку, друзья,
Котору бабушка покойница моя
Слыхала отъ Шехеразады. —
Одинъ
Персидской мѣщанинъ,
Которому отецъ въ наследство
Сто драхмъ оставилъ серебра,
Желая приобрѣсть побольше добра,
Расчелъ, что лучшее для этого есть средство
Въ торги вступить;
Но чтожь ему купить?

Не могли дорогимъ снабдить себя товаромъ,
Посудой вздумалъ онъ стеклянной торговать. —
Ахъ! чуть-было вѣдь я не позабылъ сказать,

Что звали *были* сей Героя Альнаскаромъ. —

Тотчасъ онъ накупилъ

» Бутылокъ , карафиновъ ,

» Стакановъ , рюмокъ и кувшиновъ ,

Въ мигъ изъ лубковъ себѣ шалашикъ смастерилъ ;

Посуду въ коробъ склалъ , продажи ожидая ,

И сѣвши передъ нимъ , онъ такъ заговорилъ ,

О будущиxъ своихъ сокровищахъ мечтая :

» Посуду эту всю въ недѣлю я продамъ ,

» И черезъ то казну свою удвою ;

» А тамъ

» Недѣли черезъ двѣ утрою ,

» Потомъ учетверю ,

» Потомъ ужъ голосомъ не тѣмъ заговорю .

» Богатства потекутъ тогда ко мнѣ рѣкою ;

» И былъ бы очень я плохой купецъ ,

» Когда бы наконецъ

» Не накопилъ себѣ драхмъ тысячъ сто имѣнья .

» Въ то время я уже съ посудой прощусь ,

» И продавать пущусь

» Лишь драгоценныя , рѣдчайшія каменья .

» Какъ будетъ золь

» Великой на меня Моголь ,

» Услышавъ , что его алмазы

» Передъ моими всѣмъ покажутся за стразы !

» Я буду только тѣ каменья продавать ,

» Въ которыхъ вѣсу фунтовъ пять ;

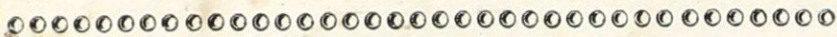
» А тѣ , которые по грецкому орѣху ,

- » На драку стану я пригоршнями бросать. . .
» Вотъ тутъ-то будетъ смѣху !
» Когда же отъ своихъ великихъ я торговъ
» Червонцевъ накоплю съ полсотни сундуковъ ,
» Тогда пошлю пословъ
» Звать Визиря къ себѣ на пару словъ ,
» А можетъ быть его оставлю и откушать.
» Но если вздумаетъ меня онъ не послушать ,
» Или замѣшкаетъ на зовъ лвиться мой ,
» Тогда прощайся онъ на вѣки съ бородой.
» Я притащить его велю и на арканъ ;
» А борода его
» Послужить флюгеромъ для дому моего ,
» Или на праздничномъ моемъ диванѣ
» Пусть развѣваетъ, какъ трофей
» Примѣрной храбрости моей.
» Но нѣтъ, я думаю, что онъ тотчасъ прискачетъ.
» Дозволю я ему передъ собою сѣсть,
» И такъ скажу : Визирь ! неслыханную честь
» Я дѣлаю тебѣ , послушай ! будь мнѣ тесть.
» Отъ радости такой неожиданной онъ заплачетъ ,
» И повалится вдругъ къ ногамъ моимъ какъ снопъ ;
» Я подниму его и поцѣлую въ лобъ ,
» Сказавъ, что дочь его люблю изъ всей я мочи ;
» А въ доказательство, что правду говорю ,
» Я поклянусь ему, что послѣ первой ночи
» Червонцевъ тысячу ему я подарю.
» Тогда поѣдетъ онъ для свадьбы дѣлать сборы,

- » Готовить дочери богатые уборы ,
» И словомъ : такъ тогда мы оба заспѣшимъ ,
» Что церемонію на третій день свершимъ .
» Я привезу жену мою въ свои палаты ,
» Которы будутъ такъ огромны и богаты ,
» Что будь на вѣки я кисельникъ и страмецъ ,
 » И не купецъ ,
 » А чушка ,
 » Коль Шаха нашего Дворецъ
» Ни что , какъ гадкая предъ оными лачужка . —
» Теперь , покупщиковъ еще куда нѣтъ ,
» Мнѣ сдѣлать хочется жены моей портретъ :
» Какъ пальма райская пряма и величава ,
 » Ступаетъ будто пава .
» Сафирь , что неба сводъ являетъ въ ясный день ,
» Предъ глазками ея , какъ передъ свѣтомъ тѣнь .
» Увидя жъ бѣлизну ея прелестной шеи ,
» Попрячутся съ стыда нарциссы и лилеи ;
» Но всѣ красы ея считать теперь мнѣ лѣнь ,
» А словомъ : собраны въ ней прелестей всѣ роды ,
 » И Граціи предъ ней уроды .
 » Довольноль этого для васъ ?
 » Когда жъ наступитъ часъ
 » Намъ спать ложиться ,
» То самъ Визирь придетъ объ этомъ доложиться ,
» И стукнувъ лысиной объ туфлю мнѣ разъ пять ,
 » Вотъ долженъ будетъ что сказать :
 » Сіятельныйшій зять !

- » Не повелишь ли ты Зельмиру раздѣвать?
» Она ужъ начала зѣвать.
» Но на это ему ни слова не добиться :
» Я на его и не взгляну ,
» А въ знакъ согласія усами шевельну .
» Когда жъ положить спать со мной мою жену ,
» То къ прелестямъ ея не сдѣлавъ я ни шагу ,
» Спиной къ ней лягу ,
» Ни слова не скажу
» На всѣ ея мнѣ ласки ,
» А Визиря въ ногахъ постели посажу ,
» И сказывать заставляю сказки . —
» Съ женой нѣжнѣе я никакъ не поступлю ,
» Хоть рвись она въ клочки, заплачь хоть цѣлу лужу :
» Какъ доброму прилично мужу ,
» Я на одномъ боку всю ночь ту прохраплю . —
» Тогда-то, Альнаскаръ, поцарствуй!
» Отнюдь ты важности своей не покидай ,
» И хоть сто разъ твой тестъ , или жена чихай ,
» Ты не моги самъ молвить : здравствуй!
» Вотъ такъ-то нашихъ знай ! —
» Однакожь по утру, хоть твердъ я, но не камень,
» Изъ сердца выпущу наружу страстной пламень ,
» И въ Гуріи жену свою произведу ;
» А съ Гуріями какъ въ Пророковомъ саду
» Или въ Едемѣ поступають ,
» Всѣ правовѣрные и безъ меня то знаютъ .
» Потомъ я Визирю

» Общанный ему подароць подарю ,
» Да сверхъ того еще червощевъ дамъ пять тысячъ ,
» Изъ коихъ бы иной пять разъ себя даль высъчь ;
» Но это для меня ничто ,
» И даже тысячъ сто
» Ни на волосъ моихъ сокровищъ не убавятъ ;
» О щедрости такой , какой примѣровъ нѣтъ ,
» Газеты Гамбургски увѣдомятъ весь свѣтъ
» И мнѣ безсмертіе доставятъ .
» Потомъ вся Знать
» Ко мнѣ явится съ поздравленьемъ .
» Я сидя буду всѣ поклоны принимать ;
» Бездѣльникъ нашъ Кади съ коленнопреклоненьемъ
» Въ томъ будетъ у меня прощенія просить ,
» Что нѣкогда меня дерзнулъ онъ притѣснить ;
» Я зареву какъ левъ : вошь ! вошь ! подмецъ бездуш-
ный !
» И сколько силы есть , ногой его толкну «
Ахти ! ты потерялъ богатство и жену ,
О , архитекторъ мой воздушный !
На что ты сильно такъ лягнулъ ?
Опомнись , не Кади , ты коробъ свой толкнулъ !
Бутылки , пузырьки , кувшины перебились ,
И съ ними гордыя мечтанья сокрушились ,
А нашъ Визирской зять
Безъ денегъ , безъ жены , легъ на солому спать .

С Ц О С О Б Ъ

ВОСКРЕШАТЬ МЕРТВЫХЪ.

Науръ , Персидскій древній Царь ,
Какъ Тить , иль Маркъ , народомъ правилъ :
Побѣдами себя , щедротами прославилъ ,
И , словомъ , сей Науръ былъ рѣдкій Государь .
Блаженства Перси почтенный сей содѣтель
Былъ вѣрный другъ , притомъ былъ лучший изъ отцовъ ,
И сверхъ того еще имѣлъ ту добродѣтель ,
Чтобъ правду обожать и не терпѣть льстецовъ .

Вотъ былъ Науръ каковъ !

Онъ , ненавидя многоженство ,
Имѣлъ супругу лишь одну ,
Въ которой обрѣталъ верховное блаженство :
Науръ былъ по уши влюбленъ въ свою жену...

Читатель , вижу я , смѣется ,
Не вѣритъ мнѣ , но я его не обману ;
Вѣдь это сплошь , сударь , бывало встарину ,

И въ наши времена , я думаю , найдется
Десятка два мужей такихъ ,

Которы терпятъ женъ своихъ ;
Влюбленныхъ же найти теперь не общаюсь ,
И такъ къ Персидскому Царю я обращаюсь .

Уже никакъ лѣтъ семь престоломъ онъ владѣлъ ,
Быль счастливъ , былъ спокоенъ ,
Быль счастья своего достоенъ ,
Какъ своенравный рокъ однажды захотѣлъ ,
Чтобъ добрый Царь сей овдовѣлъ :
Зюлима , нѣжная его супруга ,
Въ которой онъ имѣлъ любовницу и друга ,
Слегла ,
И умерла .

Представьте , какъ Науръ взметался ,
Когда пришли ему сказать ,
Что долженъ будетъ впредь одинъ онъ почивать ,
За тѣмъ , что навсегда съ Зюлимою разстался .
Отчаянья его не можно описать ,
Такъ тщетно я надъ тѣмъ трудиться и не стану ;
Спо болѣзненную рану ,
Кто можетъ , пусть представить самъ ;
А любопытнымъ господамъ
Я просто донесу , что Царь скрыпѣлъ зубами ,
Ревѣлъ , кривлялъ глазами ,
Топталъ свою чалму , и , словомъ былъ таковъ ,
Что всѣхъ Персидскихъ дураковъ
Минуть въ пятнадцать обезславилъ ,

А въ бородѣ своей оставилъ

Четыре только волоска.

Когда жъ его тоска

Отъ сильнаго сего движенья утомилась ,

То въ нѣдрахъ сердца скрылась.

Тогда прервался Царской крикъ ,

И оковала скорбь ему языкъ.

Печаль, которая безгласна ,

Весьма опасна.

Науръ задумалъ умереть :

Во внутренность своихъ чертоговъ удалился ,

И двери за собой изволилъ запереть ;

Но не подумайте , чтобъ тамъ онъ удавился.

Куда бы я тогда со сказкой сей годился ?

Притомъ же рѣдко я слыхалъ ,

Чтобъ истинный герой удавкой жизнь скончалъ.

Извѣстно , что герой себя помучить любитъ ,

И ни за что себя такъ скоро не погубить.

И такъ , чтобъ болѣе мученья претерпѣть ,

Науру вздумалось вкусить голодну смерть ,

И вдругъ не сталъ терпѣть онъ пищи даже духа.

Ужь три дни, какъ вдовецъ ни пьетъ, ни ѣстъ, ни спитъ ;

Входить же никому къ себѣ онъ не велитъ ,

А только съ нимъ одно отчаянне сидитъ.

Уже курносая и тощая старуха,

Которая насъ всѣхъ со временемъ сразитъ ,

Косой ему грозитъ.

Уже... какъ входъ къ нему внезапно отворился ,

Индѣйскій Философъ, Кулай, предъ нимъ явился.

Онъ часто о дѣлахъ бесѣдовалъ съ Царемъ,
Былъ другомъ онъ его и былъ Секретаремъ.

Къ Науру искреннимъ усердіемъ пылая,

И жизнь ему спасти желая,

Въ убѣжище его проникнуть онъ умѣлъ,

Чтобъ какъ нибудь его перемѣнить судьбину;

Прихода жъ своего такъ объявилъ причину:

» Великій Государь! я не за тѣмъ пришелъ,

Чтобъ осуждать твою законную столь горестъ;

Но если вѣришь ты, что я имѣю совѣсть,

То вѣрь, что я нашелъ

Простое очень средство

Твоей супругѣ жизнь отдать,

Народу возвратить Царицу ихъ и мать,

И, словомъ, прекратить твое и наше бѣдство.

Почтожь сомнѣніе въ глазахъ твоихъ я зрю?

Повѣрь мнѣ, Государь, я правду говорю:

Извѣстенъ ты о томъ, что я люблю учиться,

Люблю въ бумагахъ рыться,

Имѣю много древнихъ книгъ,

И способъ рѣдкій сей нашелъ вчера я въ нихъ;

Исполнить же его, мнѣ кажется, способно:

Намъ стоитъ лишь найти трехъ счастливыхъ особъ.

Всякъ знаетъ, что сыскать такихъ весьма удобно.

Когдажъ мы ихъ найдемъ, то на Царицынъ гробъ

Ихъ имена поставимъ,

И симъ

Царицу воскресимъ ,
И отъ тоски тебя избавимъ. »
Царь пробуждается какъ будто ото сна ;
Надежды лучъ его внезапно озаряеть,
Такъ точно мертвая природа воскресаетъ ,
Когда ей душу возвращаетъ
Благотворящая весна.
Мой другъ ! вскричалъ Науръ , меня ты оживляешь,
Цѣлительный бальзамъ ты въ сердце мнѣ вливасшь ;
Я буду пакн жить ,
И способъ твой хочу сей часъ употребить.
Не медли жъ болѣе , поди , мой другъ любезный ,
Поди , и счастливыхъ сихъ смертныхъ обрѣтай,
Царицу оживляй ,
И осушай
Потокъ мой слезный. —
Тотъ часъ
Царь даль приказъ ,
Что бѣ всѣ счастливыцы приходили
Къ его Секретарю ,
И имена бѣ свои въ бумажкахъ приносили ,
Что симъ однимъ спасутъ они животь Царю
И воскресятъ Царицу ,
Что будутъ имена ихъ класть къ ней на гробницу. . .
Приказъ сей возвѣщать послали крикуновъ.
А между тѣмъ Кулай , мудрецъ изъ мудрецовъ ,
Со всею важностью Индѣйскихъ пѣтуховъ ,
За красный столъ садится ;

Однако же бонся,
Чтобъ въкъ за нимъ не просидеть,
Или съ тоски не умереть.
Уже скучать онъ начинаетъ,
Уже зѣваетъ,
Какъ юноша къ нему запыхавшись вбѣгаетъ: —
Я счастливъ, говоритъ, а имя мнѣ Кобадь...
Я очень радъ,
Что воскресить могу Царицу...
Однакожь, господинъ Кулай,
Повѣрь мнѣ, времени ни мало не теряй...
Теперь носи мое ты имя на гробницу —
Не лъзяль, прервалъ мудрецъ, спросить,
Къ чему изволишь такъ спѣшить?
Скоропостижности я сей не разумью —
Позволь, сказалъ Кобадъ, мнѣ все договорить,
А тамъ ты можешь самъ объ этомъ разсудить:
Люблю Зельмиру я, любимъ подобно ей;
Готовъ пожертвовать ей жизнью моею,
И будь увѣренъ въ томъ, почтенный господинъ,
Что я боготворю Зельмиру,
И милый взглядъ ея одинъ
Не промѣняю на порфиру.
Вчера она меня сурово приняла,
И разругавши впрахъ, въ затылокъ прогнала
(Не въ первой разъ уже я принять такъ бываю);
Севодни же опять меня къ себѣ зоветъ:
Счастливецъ теперь Кобада въ свѣтъ нѣтъ;

Но почему я знаю,
Что завтра жь можетъ быть опять...
Ага! вскричалъ мудрецъ, позволь себя прервать ;
Я это понимаю;
Зельмира то тебя ласкаетъ, то бранить,
То вдругъ любовника въ тебѣ, то чорта видитъ,
То вдругъ возненавидитъ,
То вдругъ опять боготворить,
Смотря по ведру и пенастью.
Слуга покорной я завидному столь счастью!
Ступай-ко, господинъ Кобадъ,
Назадъ ;
Такое имя мнѣ не нужно;
Притомъ же намъ съ тобой обоимъ недосужно;
Прощай, и, если лъзя, живи съ Зельмирой дружно. —
Кобадъ ушелъ,
На мѣсто же его супругъ молодой пришелъ,
И съ нимъ супруга,
Любя пять лѣтъ другъ друга,
Но къ сочетанію имѣя тѣму препонъ,
Пять лѣтъ сія чета пускала тяжкой стонъ ;
Но какъ-то наконецъ въ тотъ день они женились,
И отъ подножья олтаря,
Гдѣ ихъ желанья совершились,
Пришли увѣдомить о томъ Секретаря,
И счастье свое столь сильно изъяснили,
Что старика прельстили,
И чувства черствыя его поразмягчили.

Однакожь , наконецъ , пріявъ свой важный видъ ,

Онъ такъ имъ говорить :

» Такое счастье завидно ;

Но вѣдь оно еще севодни началось ,

Боясь же , чтобъ когда нибудь не прервалось ,

Вамъ не покажется я думаю обидно ,

Что опыту его подвергнуть я хочу ?

Я милостью Царя за то вамъ заплачу .

Сей опытъ сверхъ того съ желаньемъ вашимъ схо-
день ,

И такъ , я думаю , онъ будетъ вамъ угоденъ :

Я требую отъ васъ , друзья мои , того ,

Чтобы вы десять дней другъ другомъ услаждались ,

Не дѣлая отнюдь другаго ничего ,

При томъ не видя ни кого ,

Но чтобы вы собою одними занимались .

Не трудно , думаю , вамъ сдѣлать будетъ то .

Для двухъ любовниковъ , столь прежде притѣсненныхъ

И наконецъ соединенныхъ ,

Вселенная ничто . »

Съ восторгомъ согласясь на это испытанье ,

Супруги въ домъ къ себѣ летѣли , а не шли ,

Не дотыкаясь до земли .

Пришли — и начались межъ ими лобызанья ,

Слова нѣжливѣйшія лились у нихъ рѣкой ;

Голубчикъ , душишка , любезной свѣтикъ мой ,

Въ тебѣ я вижу всѣ утѣхи и покой ;

Тобой любиму быть одно мое желанье ,

И не погаснетъ вѣкъ мое къ тебѣ пыланье ,
И словомъ , въ первый день они забывши всѣхъ ,
Вкусили тьму утѣхъ.

Назавтра ласки ихъ слабѣе какъ то стали ,
Назавтра нѣсколько они и позѣвали ,

Назавтра подремали ,
Назавтра поворчали ,
Назавтра подрались ,
Назавтра разошлись ,
И больше не сходились.

Посемъ къ Кумаю появились
Счастливыхъ цѣлы табуны ;

Но были всѣ они такіе жь шалуны ,
И къ дѣлу не годились.

Одинъ изъ нихъ богатствъ , другой чиновъ желалъ ,
И всякъ блаженство полагалъ

Въ какомъ нибудь своемъ предметъ ;

А мудрецу за то въ награду обѣщаль
Быть всѣхъ счастливѣе на свѣтѣ.

Но какъ онъ вѣдалъ свойства ихъ

Гораздо лучше ихъ самихъ ,

То имъ отнюдь не вѣрилъ ,

Печатнымъ видно онъ аршиномъ счастье мѣрилъ ;

А съ ними вотъ какой поставилъ договоръ :

Что онъ о просьбахъ ихъ входить не будетъ въ споръ ;

Но прежде чтобъ они немножко побродили ,

И чтобъ людей къ нему съ собою привели ,

Довольныхъ тѣмъ , чего себѣ они просили.

Не знаю, можетъ быть они такихъ нашли ;
Но слышно, къ мудрецу назадъ не приходили.

Дотоль Философъ не видывалъ во вѣкъ
Такого скопища людей честолюбивыхъ ,
Скупыхъ , безпутныхъ , горделивыхъ ,
Смѣшныхъ , безумныхъ , прихотливыхъ ;

Но наконецъ къ нему явился человекъ ,
Которой съ прежними ни мало не былъ сходенъ :
Сей скромень былъ и благороденъ ,
Сей не желалъ и не просилъ ;

О счастья жъ своемъ онъ вотъ что доносилъ :
Богатствъ я не ищу , ни пышности , ни славы ,
Люблю однѣ забавы ;

По волю ихъ себѣ могу я доставлять ;
Но ихъ умеренно привыкъ употреблять.

Я , опасаясь пресыщенья ,
Достигъ до рѣдкаго умѣнья
Совсѣмъ отказывать себѣ въ нихъ иногда
Безъ всякаго труда.

Притомъ же я доходъ порядочной имѣю ,
Котораго концы съ концами такъ свожу ,
И такъ расположить на круглой годъ умѣю ,
Что въ люди никогда обѣдать не хожу.

Вседневно за столомъ своимъ я угощаю
Двухъ , трехъ , или четырехъ
Пріятелей моихъ ,

При коихъ я себя отнюдь не принуждаю ;
Я принужденности , признаться , не терплю.

84448

Ни отъ кого я не завишу,
Враговъ нѣтъ у меня, иль я о нихъ не слышу.

Любовницу свою люблю

Не много и не мало,

Такъ какъ и всѣмъ бы надлежало

Любить своихъ

И столько заниматься ими,

Чтобъ о лишеніи ни сокрушаться ихъ,

И замѣщать тотчасъ другими:

Въ запасъ я держу всегда ихъ пятерыхъ.

Не правда ль, что могу я счастливымъ назваться? —

Конечно такъ, мой другъ, но будучи тобой,

Я несказанно бы сталъ смерти ужасаться. —

Увы! боюсь и я, боюсь, сударикъ мой!

Но въ жизни надобно жъ чего нибудь бояться:

Не лзя безъ примѣси намъ счастьемъ наслаждаться;

Однакожь я не лгу,

Что мыслю я о томъ столь рѣдко, сколь могу. —

Совсѣмъ не помышлять о смерти постарайся,

Иль способъ обрѣсти во вѣкъ не умирать,

Тогда-то смѣло ты счастливымъ называйся,

И приходи ко мнѣ Царицу воскрешать.

Уже три мѣсяца, какъ Философъ трудился;

Но толку отъ того ни мало не добился,

И наконецъ

Трагикомедію сію скончать рѣшился

Уставшій нашъ мудрецъ.

Ему наскучило такое упражненіе,

Симъ могъ меня давно отъ грусти ты избавить...
Но ты молчишь? — Почтожь такъ хвалять мудрецы
Намъ счастье свое, премудростью владыя?
Монархъ! вскричалъ Кулай, вздыхая и краснѣя:

Слѣпцы,

Не рѣдко бредимъ мы и часто полыгаемъ;
Мы такъ же, какъ и всѣ, во весь нашъ вѣкъ желаемъ;
Чего жъ желаемъ мы? желаемъ пустяковъ,
И, словомъ, мы въ числѣ тѣхъ бѣдныхъ дураковъ,
Которыхъ мы людьми столь важно величаемъ.
Признаться, Государь, вѣдь я и самъ таковъ:
Я самъ лѣтъ пятьдесятъ за мудростью гоняюсь,
Тружусь, учусь; но чтожь узналъ я отъ того?
Одно лишь то, что я не знаю ничего.
Со счастьемъ, какъ и всѣ, я встрѣтиться стараюсь;
Но только находилъ лишь тѣнь одну его;

Его же самага

На свѣтъ никогда, повѣрь мнѣ, не бывало;
Съ небесъ оно и не слетало. —

Такъ нѣтъ, вскричалъ Науръ, счастливыхъ на земли? —

Нѣтъ! Государь, и быть не можетъ:

Въ сей жизни, что нибудь намъ вѣчно сердце гложеть.

Но дружескимъ моимъ совѣтамъ ты внимли:

Почто, о Государь! ты духъ свой такъ терзаешь?

Или не знаешь,

Что нѣжная твоя супруга во сто разъ

Теперь блаженнѣе всѣхъ насъ?

Престань же сокрушаться;

Иль счастиемъ ея ты можешь огорчаться?

О сказанномъ ему Царь здраво разсудилъ ;
За хитрость мудреца весьма благодарилъ ,
И мысли , воскрешать Царицу , отмѣнилъ ;
Утѣшить же совсѣмъ его взялося время ,
Притомъ же Царскаго вѣнца тяжело бремя ,
 Заботы и труды ,
 И новыя печали
Изъ памяти Царя изгнали
Его минувшія бѣды.

Для свадьбы, говорить, что надобно влюбитья ;
А то де безъ того не лзя съ женой ужиться.

И я согласенъ въ семь.

И спорить тутъ о чемъ ?

Для двухъ любящихся конечно бракъ прекрасенъ ;

Но бракъ не по любви не стоитъ ни чего ,

Хоть вѣкъ не будь его ;

Къ тому же онъ опасенъ.

Послушайте жь теперь разсказа моего :

Женихъ,

Имѣя сердце нѣжно ,

Читалъ Элегіи прилежно

И былъ влюбляться лихъ :

Въ невесту онъ свою какъ Селадонъ влюбился ,

И свадьбой поспѣшать скорѣй какъ можно тщился ;

Ни шель , ни ѣль ,

Вздыхалъ , кряхтѣлъ.

Въ любви велико нетерпѣнье ,

Я знаю это по себѣ ;

Но коль , читатель мой , не свѣдомо тебѣ

Любовное мученье ,

Прочти Овидія о немъ стихотворенье.

Онъ былъ Профессоромъ любовна ремесла ;

Онъ зналъ на перечотъ сей страсти тяжки муки ,

Какъ - то : разлуки ,

Вздыханья , слезы , скуки ,

И прочи многи штуки ,

Которымъ нѣтъ почти числа . . .

Ахти! куда меня пелёгка занесла!
Я про любовь заговорился
И отъ разсказа удалился;
Но не одинь сему подвержень я грѣху;
Такъ обратимся жь къ жениху:
Онъ все еще вздыхаетъ,
И съ нетерпѣнемъ женидбы ожидаетъ.
Приходитъ дѣло то къ концу,
Женихъ готовится уже идти къ вѣнцу;
Вдругъ счастье его противится судьбина,
А можетъ быть и сатана:
Невѣста сдѣлалась отчаянно больна.
Крушится мой дѣтина;
Зоветь искусныхъ лѣкарей,
Сбираетъ ворожей,
Подать чтобъ помощь ей,
Сулить за то онъ имъ богатство неисчетно;
Однакожь тщетно.
Женихъ былъ щедръ и былъ богатъ;
Но всякой, кто влюбленъ, бываетъ тороватъ.
Къ несчастью, щедрость тутъ совсѣмъ не помогаетъ:
Любовница изнемогаетъ;
Женихъ оретъ
И волосы себѣ въ отчаяннн деретъ.
Съ ума дѣтина сходить;
Съ лица
На мертвеца
Походить.

Бѣжить отъ глазъ его отрада въ скорби, сонъ ;
Пускаетъ нашъ бѣднякъ такой нелѣпой стонъ,
Какъ будто бѣлены какой объѣлся онъ.

Откуда ни взялась вдругъ старая грызунья,

Искусная колдунья,

И талисманъ ему даетъ,

Въ которомъ былъ одинъ секретъ.

Читатель! вѣрь тому, иль нѣтъ,

Какъ хочешь, я тебя ни мало не неволю,

А отдаю на волю ;

За истину того отнюдь не выдаю :

За что купилъ, за то тебѣ и продаю.

Секретъ такой былъ въ талисманъ,

Что кто его имѣлъ въ рукахъ, или въ карманъ,

Невидимы тотъ вещи зрѣлъ,

Какъ на примѣръ сказать, умершихъ души тѣлъ.

Лишь взялъ сей талисманъ любовникъ отъ старухи,

То вдругъ со всѣхъ сторонъ къ нему полезли духи,

Какъ льтомъ къ сахару, иль къ меду алчны мухи ;

Онъ такъ ихъ ясно зреть, какъ лучший М. . .

Всѣ Сильфы, Саламандры, Гномы,

Всѣ демоны ему знакомы ;

Но если всѣхъ прибрать, то выйдетъ цѣлой листъ.

Даетъ старухъ онъ награду

За важную сію отраду ;

Схвативши талисманъ, съ нимъ скачетъ ко врачу

И разсуждаетъ такъ : »мнѣ талисманъ все скажетъ,

Хотя и дорого за то я заплачу !

Чего жъ желаю я, то вѣрно получу.
Искусство жъ лѣкаря мнѣ талисманъ покажетъ.»
Пріѣхавъ къ лѣкарю, онъ чудо зреть въ дверяхъ :
Его объемлетъ страхъ ,
Дрожать подъ нимъ колѣни :
Онъ видитъ , вшедши въ сѣни ,
Что въ оныхъ сотнями толпятся черны тѣни ,
Какъ будто бѣ было то на Стиксовыхъ брегахъ.
Чьи жъ тѣни были тѣ? Людей тѣхъ были души,
Которыхъ врачъ побилъ своимъ лѣченьемъ туши.
Къ другимъ онъ лѣкарямъ пошелъ ;
Но какъ ни вступить въ сѣни ,
Опять явятся тѣни ,
И, словомъ, тысячи тѣней у всѣхъ нашель.
Возмнилъ онъ отъ того, что всѣ врачи невѣжды.
Повѣся голову, почти лишень надежды ,
Къ послѣдному врачу онъ наконецъ пришелъ ,
И видитъ близъ его избушки
Двѣ только маленькія душки.
Горюнъ нашъ въ дверь толкнулъ ,
Поспѣшно въ горницу прыгнулъ ,
Насилу съ радости промолвить слово можетъ ,
И думаетъ, сей врачъ конечно мнѣ поможетъ.
Причину своего прихода изъяснилъ
И помощи просилъ ;
А тотъ его спросилъ,
Являя удивленья знаки :
Какіе довели тебя сюда признаки,

И какъ ты могъ найти мой домъ?

А здѣсь почти ни съ кѣмъ я не знакомъ.

Любовникъ отвѣчаетъ :

Несчастливъ тотъ больной, кто про тебя не знаетъ.

Тебя обогатитъ конечно здѣшній градъ,

И что тебя нашель, безъ памяти я радъ;

Искусства твоего я былъ теперь свидѣтель :

Ты только уморилъ двоихъ, мой благодѣтель! —

Врачъ, тяжело вздохнувъ, слова его прервалъ

И вотъ что отвѣчалъ :

Пора, сударь, тебѣ мнѣ кажется признаться,

Что ты пришелъ сюда лишь только посмѣяться :

Еще недѣли нѣтъ, какъ въ должность я вступилъ,

И только двухъ ребятъ лѣчилъ. —

Отъ сихъ нежданныхъ словъ, любовникъ такъ оз-
мился,

Что въ рожу лѣкарю свой талисманъ пустилъ,

И въ волосы ему вѣфился;

Кусаль его, царапаль, билъ,

И къ тѣнямъ чуть-было его не проводилъ.

Но мнѣ его не жаль, таковской онъ и былъ.

Покуда жъ нашъ женихъ съ Саградой колобродитъ,

Невѣстина болѣзнь и безъ микстуръ проходитъ :

Голодна смерть отъ ней поджавши хвостъ бѣжить :

Невѣста не въ гробу лежитъ,

Но на усыпанномъ цвѣтами брачномъ ложѣ;

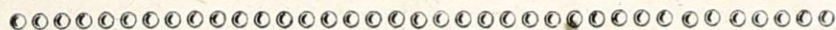
А съ лѣкарями врядъ сбылося ли бы то же.

Случалось ли видать читателямъ моимъ,

Чтобъ немощью одной досталось двоимъ
Быть одержимымъ вдругъ: бѣдняшкѣ на рогожѣ,
И на пуху Вельможѣ?

Къ обоимъ имъ тогда врачи направятъ ходъ:
Природа къ нищему, а къ знатному Тиссотъ;
Трудовъ сихъ двухъ врачей какой же будетъ плодъ?
Бѣдняшка, поглядишь, румянь, игривъ какъ котъ,
И роетъ, возвративъ опять съ здоровьемъ силу,
Его Сіятельству — могилу.

ИСПЫТАННАЯ ВѢРНОСТЬ.

Не помню право я, какой сказалъ мудрецъ,
Что молодымъ женамъ не въ чемъ ни должно вѣрить,
За тѣмъ-де, что онѣ всѣ любятъ лицемерить.
Я жъ мню, что такъ сказалъ какой нибудь глупецъ,
Которой не умѣлъ, какъ въ свѣтъ обращаться,
И радъ въ томъ присягнуть, что онъ
Не зналъ, что есть *Beau monde*, и что за звѣрь *Bon ton*.
Ну можно ль мудрецу такъ глупо завираться?
Не спорилъ бы я съ нимъ и пропустилъ бы такъ,
Когда бъ сіе сказалъ онъ о простыхъ лишь бабахъ;
Но какъ онъ смѣлъ, дуракъ,
Такихъ напутать вракъ
О Дамахъ,
Которы стоятъ всѣ поставлены быть въ храмахъ
За стеклами и въ рамахъ?
Какъ въ голову придетъ, чтобъ поль прекрасной тотъ,
Взоръ коего одинъ безцѣнная есть милость,
Похожъ бымъ на извѣстный плодъ

У коего внутри одна лишь только гнилость,
Хотя прекрасенъ онъ на взглядъ?
Возможно ль, чтобъ въ глазахъ былъ рай, а въ сердце
адъ?

Неужто барыни обманывать насъ стануть?
Отъ этой клеветы безбожной уши вянуть.
Какъ имъ причастнымъ быть столь подлomu грѣху?
Не вѣрте жъ! лжетъ мудрецъ и млетъ чепуху.
Однако жъ хочется сказать мнѣ вамъ ту сказку,
По коей дѣлаетъ онъ къ женщинамъ привязку

И былою оную зоветь;

Хоть онъ и вретъ,

И хоть того отнюдь вовѣки не бывало,

Но сказку я его скажу;

Вѣдь этимъ, кажется, я Дамъ не разсержу

И не обижу;

И такъ не вижу,

Чтобъ вышла изъ того какая мнѣ бѣда;

Прошу жъ послушать, господа!

Былъ въ Индїи портной, мужской ли былъ, или
женской,

Того мудрецъ мнѣ не сказалъ;

Извѣстно жъ только то, что платье онъ шивалъ

И былъ, какъ кажется, хорошій, и не мерзкой,

Понеже былъ богатъ;

Но что намъ до того? портной тотъ былъ женатъ;

Намъ это знать лишь нужно.

Онъ жилъ съ супругою такъ дружно,

Что ихъ всё ставили согласія въ црцмьрь.
И подлинно, любовь была ихъ выше мьрь :
Портной нашъ не шиваль ни рукавиць, ни шапокъ,
Чтобы на башмаки жепъ, иль на подкапокъ

Не выгадалъ украсть :

Толико-то сильна была его къ ней страсть !
Однажды, какъ чета сія клялась, божилась

Другъ друга ввѣкъ любить,

Портному вздумалось жену свою спросить,
Что бь сдѣлала она, когда бь его лишилась ?
Портника воздохнувъ слезами залилась ;

Потомъ клялась,

Что ежели бы съ ней напасть сія случилась,
То вѣрно бы она тогда или взбѣсилась,

Или бь съ печали умерла ;

А если бы сію бѣду перенесла,
То бь сдѣлались глаза ея двумя рѣками,
И чтобы горькими и вѣчными слезами
Кропила день и ночь она супружній гробъ.

Сказавъ сіе, она портнаго лобызала,
Клянясь, что гладкимъ ввѣкъ его пребудеть лобъ,

И съ пѣжностью его о томъ же вопрошала.

Портной отъ радости почти былъ внѣ себя.

До глупости жену любя

И слыша отъ нее столь лестно увѣренье,
Онъ сдѣлалъ передъ ней коленнопреклоненье,

Сказавъ, что ежели ее лишится онъ,

То пустить столь ужасной стонъ,

Что слышашь будеть онъ во всѣхъ концахъ все-
ленной.

(Гасконской ренегать супругъ сей былъ почтенной)
Потомъ ей общалъ, три дни о ней провѣтъ,
И наконецъ себя иголкой подавить.

Симъ кончилися ихъ взаимны увѣренья,
Которыя мудрецъ въ замочну слышалъ щель.

А послѣ этаго, чрезъ нѣсколько недѣль,
Къ любви, столь рѣдкой, рокъ безъ мала уваженья
Не къ стать очень подшутить,

И сдѣлалъ надъ портнымъ проказу,
А имянно: его супругу умертвилъ.

Хотя портной берегъ ее и больше глазу,

Но съ рокомъ, говорить, не сладить и Ахилль.

Вдовець самъ лыжи чуть за ней не наострилъ ;

Но знать сложеніе имѣлъ весьма здорово ,

Что живъ остался онъ, и вспомни данно слово ,

Супругу схоронилъ

И, бросаьсь на ея гробницу , волкомъ выль.

По кислomu же рылу

Такія слезы распустилъ ,

Что сдѣлалъ киселемъ жены своей могилу.

Ужъ три дни въ сихъ слезахъ портной нашъ про-
волокъ ,

И наступилъ ему уже давиться срокъ :

Любимую свою иглу онъ вынимаетъ ,

И ротъ какъ ласточка голодна разѣваетъ

Но вдругъ ,

Предъ нимъ явился страшный Духъ ;
Описывать его теперь мнѣ недосугъ.
Вотъ что лишь доложу о немъ стихахъ я въ двухъ :

Онъ ростъ имѣлъ толстой ,
Что по кольни былъ ему Иванъ Великой.
Портной отъ ужаса забылъ свою тоску ;
Иголку изъ руки трепещущей роняетъ :
Но Духъ тотчасъ ему спокойство возвращаетъ ,
Давъ страхъ ему запитъ небеснаго кваску ;
Потомъ сказалъ ему : твою печаль я знаю ;
А такъ какъ въ первой разъ случилось слышать мнѣ ,
Чтобъ такъ супругъ оралъ нелпо о женѣ ,
То я для рѣдкости помочъ тебѣ желаю ,
И оживлю сей часъ , мой другъ , твою жену
Но ты не вѣришь мнѣ ? я это примѣчаю ;
Я жъ право ни за что тебя не обману ;
Мнѣ это такъ легко , какъ выпить чашку чаю .
Тутъ Духъ съ десятокъ словъ тарабарскихъ сказалъ ,
Какихъ-то на песокъ фигуръ нарисовалъ ,

И оживилъ супругу ;

А самъ пропалъ ,

Какъ скоро оказалъ ему сію услугу .

Портной пріятную сію увидя вещь ,
Такою ощутилъ въ душѣ безмѣрну сладость ,

Что , не смотря на слабость ,

Онъ бросившись къ женѣ , впился въ нее какъ клещъ .

Весьма простительна была такая радость :

Жена его была свѣжа , какъ маковъ цвѣтъ ;

Имѣла отъ роду невступно дватцать лѣтъ,

И, словомъ, Гулендама

Была такая дама,

Что можетъ быть такихъ теперь и въ свѣтъ нѣтъ ;

Однако жъ объ закладъ я въ томъ не буду биться,

Но къ повѣсти моеѣ намѣренъ возвратиться.

Портниха не могла довольно надивиться,

Какими средствами могла она ожить,

И сдѣлаться опять красой земному кругу.

Услышавъ же, что тѣмъ обязана супругу,

Ему клялася посвятить

Сей новой жизни всѣ мгновенья.

Но если бъ всѣ писать въ любви ихъ увѣренья,

То бъ тѣмъ читателей я вывелъ изъ терпенья.

Не лучше ль поспѣшить,

Мнѣ кажется, къ развязкѣ?

И такъ ужъ бы пора окончиться сей сказкѣ.

Опомнись нѣсколько, сказалъ жещъ портной,

Что въ саванѣ ходить при людяхъ неучтиво,

Чтобъ на нее смотрѣть всѣ стали какъ на диво,

И что онъ сбѣгаетъ за платьемъ ей домой.

Сказавъ сіе, бѣжать во весь онъ духъ пустился ;

А между тѣмъ Султанъ, иль Царь той страны,

Охотой полевой въ мѣстахъ тѣхъ веселился,

И вдругъ нечаянно, незнаю какъ, случился

Близъ воскрешенной сей жены.

Онъ очень изумился,

И чуть-было сперва трухнувъ не ускакалъ,

Увидя женщину живую въ томъ нарядѣ,
Въ которомъ ходять только въ адѣ;
Но разсмотрѣвъ ее, иначе думать сталъ:
Онъ красотѣ ея чудесной удивился;
Какъ молніей, стрѣлой любовной уязвился.
Насилу могъ собрать евой расточенный умъ;
Насилу могъ унять на часъ онъ въ мысляхъ шумъ;
Но какъ-то наконецъ собравшись съ Царской мочью,
Что онъ въ нее влюбленъ, сказалъ ей на прямикъ,
И что божественный ея и милый ликъ
Мечтаться будетъ впредь ему и днемъ и ночью.
Цари не намъ чета! Слыхалъ я, что у нихъ

Все вмигъ

Поспѣеть;

Предъ женщиной Султанъ, какъ нашъ братъ, не
робѣеть.

И такъ сказалъ онъ ей, что ежели она

Ни съ кѣмъ не спряжена,

То будетъ черезъ часъ, иль два, его жена,

Любимою его Султаншей назовется,

И что любить ее до смерти онъ клянется.

Султанъ былъ сильный Царь, былъ молодъ и
пригожъ,

И такъ портной предъ нимъ такъ сдѣлался хорошъ

Въ глазахъ своей жены, какъ оловянный грошъ.

Такъ чтожь?

Я чуда право въ томъ не вижу никакова,

И развѣ былъ такой примѣръ,

Чтобъ вздумалъ кто мѣнять Султана на портнова ,

Хотя бѣ онъ былъ и самъ *Ли-Пьеръ* ?

Услышавъ отъ Царя такое предложенье ,

Портниха сдѣлала въ минуту заключенье ,

Что больше выгоды Султаншей первой быть ,

Чѣмъ мужу помогать чалмы да шапки шить .

И такъ мошенница сія , потупя взоры ,

Ограбили меня сей часъ , сказала , воры ,

И въ землю думали живую закопать ;

Но вы изволили имъ въ этомъ помѣшать :

Они , услыша стукъ , какъ зайцы испужались ,

И разбѣжались

Невѣдомо куда ;

Но вижу я теперь , что это не бѣда ,

Когда сей случай мнѣ доставилъ пышну славу

Быть вашею женой .

Никто не обладаетъ мной

И только отъ себя за вишу я самой .

Султанъ ей приказалъ покрыться епанчой ;

И ногъ отъ радости не слыша подь собой ,

Съ портнихою домой

Свой путь направилъ .

Когда же въ городъ портной нашъ все исправилъ ,

И съ платьемъ прибѣжалъ опять на женнинъ гробъ ;

То , не нашедъ ее , свалился будто снопъ .

Потомъ какъ бѣшеной взметался ,

Какъ угорѣлой котъ по всѣмъ мѣстамъ совался ;

Однако же нигдѣ жены не донскался

И сталъ опять вдовець.

Но наконецъ ,
Услышавъ , что она въ Сераль у Султана,
Онъ безъ чалмы и безъ кафтана
Прямехонько бѣжать пустился во дворець,
Какъ будто сумасшедшій ;
Потомъ туда пришедши ,
Съ Султаномъ говорить на единѣ просилъ.
Представъ же предъ него смиренно доносилъ,
Какъ онъ по милости его сталъ быть съ рогами.
Не знаю право я , какими то судьбами ,
Хоть бусурманской Царь , но былъ Султанъ не лихъ,
А такъ какъ агнецъ тихъ ;
Звалъ подданныхъ людьми , смотрѣлъ на нихъ умильно,
И дамъ не заставлялъ любить себя насильно :
Онъ не держалъ жены неволей ни одной ;
И такъ , я чаю , чтобъ иной
Услыша выговоръ рогатаго портнова ,
Не давъ ему въ отвѣтъ ни слова ,
Вельель бы сжечь ево живова ,
Или бъ въ бараній рогъ скрутилъ ;
Но сей не эдакъ поступилъ :
Онъ съ тихостью вотъ такъ портному говорилъ :
Смотри , мой другъ , поберегися !
Что здѣсь твоя жена , ты въ томъ не ошибися ,
И если ты солгалъ , то я хотя не золь ,
Но ужъ тогда не осердися ,
Что будешь посаженъ на колъ ,

Дабы другимъ портнымъ не дать впередъ потачки
Въ Султанскихъ вклепываться женъ;
Я жь даромъ дать жену тебѣ не принужденъ:
Не стоишь ты такой подачки.
Пожалуй, у меня отнимутъ эдакъ всѣхъ;
И это будетъ курамъ смѣхъ,
Когда промчится слухъ такой въ края чужіе,
Что Царской мой Сераль расхитили портные.
Портной Султану въ ноги палъ, —
И правду словъ своихъ присягой утверждалъ;
Еще жь сказалъ,
Что коль жена ево за мужа не признаетъ,
То казни онъ себя лютейшей подвергаетъ;
Но ежели ево она облобызаетъ,
То просить онъ ее назадъ ему отдать.
Да сверхъ того просилъ велѣть врача призвать,
Чтобы отъ радости она и отъ любви
Не умерла опять,
Такъ чтобъ могли спасти ей жизнь пускаемъ крови.
Султанъ своимъ женамъ велѣлъ тотчасъ сказать,
Что онъ немедленно всѣхъ видѣть ихъ желаетъ.
Отъ нетерпѣнія портной нашъ умираетъ,
И ласки отъ жены съ три пуда ожидаетъ. —
Вдругъ входитъ цѣлой къ нимъ красавицъ хороводъ.
Портниха жь красотой отмѣнною блистала,
Сіянье прочихъ всѣхъ такъ сильно затмѣвала,
Какъ звѣзды тмитъ луна, взошедъ на синій сводъ,
Иль такъ, какъ тмитъ луну царя дневнаго всходъ.

Только времени портной не видясь съ нею,

Къ ней бросился на шею,

Крича : вотъ ! вотъ она !

Но какъ же вѣрная сія жена

Съ супругомъ поступила ?

Она ему скроила

Такова треуха,

Что чуть не сотворилъ портной таво грѣха,

Котораго укрыть не могутъ лучши воры.

Портника, устремивъ на мужа гнѣвны взоры,

Сказала такъ :

Съ чего ты взялъ , дуракъ !

Что я когда нибудь женой твоей бывала ?

Я и во снѣ тебя мерзавца не видала.

И какъ ты смѣлъ обидѣть такъ меня ?

Ахъ ты святошна харя !

Тебѣ ли отнимать жену у Государя ?

Потомъ , къ Султану рѣчь склоня,

О правосуднѣйшій Монархъ ! она вскричала,

Я сей лишь часъ сего бездѣльника узнала :

Онъ самой тотъ вѣдь плуть,

Которой закопать хотѣлъ меня живую;

Спокойныхъ до того не будетъ мнѣ минутъ,

Пока въ него кола злодѣя не воткнутъ. —

Удѣльна отъ жены привѣтливость такую,

Мужъ очи вылушилъ , какъ филинъ , иль сова,

И съ плечь-было его свалилась голова.

Въ немъ вся замерзла кровь отъ женщиной измѣны

Не могъ постигнуть онъ столь чудной перемены,
И думалъ, что во снѣ все это видѣлъ онъ ;
Но наконецъ Султанъ прервалъ сей мнимый сонъ :
Султанъ хоть былъ и Царь, но рабъ былъ данна слова;
Притомъ же сквернаго преступника такого,
Которой погрѣбать любилъ живыхъ людей,
Кто бъ если и простилъ, тотъ былъ бы самъ злодѣй.
И такъ Султанъ велѣлъ вести на казнь портнова,
Хоть онъ и присягалъ, что былъ не виноватъ ;
Но будто никогда невинныхъ не казнятъ ?

То вещь не нова.

Портной, увидя страшной колъ,
На коемъ вѣлно отвезъ ему квартиру,
Проклятыю предавалъ жену и женской полъ;
Таурился, кряхтѣлъ и упираясь шолъ,
Такъ точно, какъ мужикъ идетъ въ солдатску мѣру.
Но въ слабость этаго, я думаю, и въ стыдъ

Ни кто портному не вѣннить :

Кто какъ бы ни былъ твердъ, хотя бъ самъ Эпиктитъ,
И тотъ, не знаю я, какой бы сдѣлалъ видъ,
Увидя, что ему такая казнь грозить.

Ахъ ! лучше бы, вскричалъ портной, я подавился !
Да будетъ проклятъ день, въ которой я родился,

И тотъ, въ которой я женился

На этой саташъ !

О Духъ ! на что просилъ тебя я о женѣ,
Которая теперь на колъ меня сажаетъ ?
За всю мою любовь, за нѣжную пріязнь,

Какъ гуся дикаго на вертелo втыкаетъ ,
И мнѣ такую казнь
Злодѣйка изрекаетъ ,
Что изъяснить ее пристойность запрещаетъ.

О Духъ !

Будь ты еще мнѣ другъ !
Внемли ты моему моленью ,
И не предай меня такому посярмленью ! —
Когда онъ учинилъ усердный сей возгласъ ,
То Духъ явился въ тотъ же часъ

Среди народа. —

Какое зрѣлище представилось очамъ !
Его , читатели , я опишу и вамъ .
Покорно васъ прошу вообразить урода ,
Моря которому всѣ были мѣльче брода ;
Руками облака онъ шедши раздвигалъ ,
И по двѣ мили вдругъ шагаль ;
Да кедромъ сверхъ того Ливанскимъ чистилъ зубы .
Когда жь раздвинулъ онъ свои ужасны губы ,
То въ страшную его тортань
Могла бѣ уставиться съ округою Казань .

Слова жь его такъ были грубы ,
Что не было во вѣкъ ужасныхъ столь громовъ ;

И отъ такихъ умильныхъ словъ
Изъ бороды его и также изъ усовъ

Съ двѣ сотни вылетѣло совъ ,

Которыя тамъ спали :

Знать лѣсомъ бороду они его считали .

Отъ голоса его всѣ зданія дрожали;

Всѣ зрители на землю пали.

Самъ Царь отъ страха чуть былъ живъ.

Духъ, голосъ свой смягчивъ, вмигъ оправдалъ портнова.

Сказавъ исторію его народу снова.

Кто сиденъ, тотъ всегда живетъ краснорѣчивъ :

Портнова маленькимъ святымъ народъ считаетъ.

Вотъ видите ли вы, какъ обернулся листъ?

Портной какъ стекло сталъ чистъ,

И Царь его домой безвредно отпускаетъ.

Но Духъ не тѣмъ еще трагедію кончаетъ :

Невинность, говорятъ, не вѣчно вѣдь страдаетъ,

Безъ наказанія зло такъ же не бываетъ;

Духъ, въ слѣдствіе сего, негодницу жену

Таскалъ по городу день цѣлой на веревкѣ —

И зашвырнулъ потомъ, мнѣ помнится, въ луну.

За дѣло! — ништо ей жидовкѣ!

ТРИ ЖЕЛАНІЯ.

Всѣ состоянія мнѣ кажутся равны,
И равны степени блаженства всѣмъ даны.
Мужикъ поработаѣвъ, коль есть алтынъ въ карманъ,
То выпивши винца, ѣсть съ мягкимъ хлѣбомъ щи;
И больше онъ блаженъ, валяясь на печи,
Чѣмъ Крезъ, зѣвající на бархатномъ диванъ,
И жрущій нехотя заморски овощи.
Не лишнее еще и то къ сему примолвить,
Что мы желанія безъ счета любимъ плестъ;
 Но можно ль ихъ исполнить,
 Когда не можно счестъ?
И такъ не лучше ли бѣ подтверже то намъ помнить,
 Чтобъ быть довольну тѣмъ, что есть;
 За счастьемъ на небо не лѣзть,
И знать, что оное и дома всякъ имѣетъ,
Но познавать его не всякъ умѣетъ.
Теперь же сказочку мою прошу прочестъ.
 Давно, весьма давно, въ старинны темны вѣки,

Какъ сотнями боговъ считали человекѣ,
Какой-то дровосѣкъ, наскучивъ бѣднымъ быть,
И безпрестанными, несносными трудами
Жену, дѣтей, себя кормить,
Бранился всякой день съ судьбою и съ богами,
И временно весьма онъ искренно желалъ,
Чтобъ, съ позволенія сказать, его чортъ взялъ.
» Какъ ! говорилъ Филать, какъ можно не взбѣситься?
» Неужто нѣтъ меня грѣшнѣе никого?
» Я вымолвить не могъ у Неба и того,
» Чтобъ было иногда мнѣ можно похвѣстаться.
» Нѣтъ ! впредь не буду я по пустякамъ молиться;
» Мнѣ много безъ мольбы трудовъ;
» Другой пусть, а не я, лбомъ объ полъ будетъ
биться . . .
» А я чтобъ сталь ? . . . За что благодарить боговъ ?
» Или за то, что я отъ нихъ какъ отъ козловъ
» Не видывалъ вовѣкъ ни молока ни шерсти ?
» Да у меня жъ про нихъ въ запасъ нѣту лбовъ;
» А имъ немного право чести,
» Что мучать такъ они меня.«
Такимъ то образомъ не проходило дня,
Чтобъ господинъ Филать на Небеса не лаялъ;
Ему жъ казалось, что онъ правдиво баялъ.
Но какъ бы ни было, однажды въ лѣтній зной
Таща дрова, онъ столько утомился,
Что, не дошедъ домой,
Середь дороги повалился,

И съ Небомъ по своей привычкѣ побранился,
Какъ вдругъ
Громъ страшный поразилъ его преступный слухъ.
Филать, возведши къверху очи,
Увидѣлъ середь дня на небѣ образъ ночи.
Кто жъ былъ виною сихъ чудесъ?

Зевесъ

Сходилъ съ небесъ:

Змѣисты молніи окрестъ его сверкали,
И мрачность черныхъ облаковъ,
На коихъ возлегалъ тогда отецъ боговъ,
Златыми каждой мигъ браздами разсѣкали.

Мужикъ на землю палъ —

И робкимъ голосомъ къ Зевесу вопіялъ:

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Но знай! что жалобамъ твоимъ я внимлю,
И что достигъ ко мнѣ стелющій голосъ твой:
Ты жало къ мнѣ, и я помочь тебѣ желаю.

Хотѣть ты можешь трехъ вещей,
Я ихъ исполнить обещаю.

Филать

Тому и радъ :

Онъ бросился Зевесу въ ноги ,
А тотъ отправился въ небесные чертоги. —

Представь , читатель мой ,
Съ какою радостью Филать пошелъ домой !
Дрова ему тогда казались легче пуху.
Спѣшить обрадовать онъ симъ свою старуху.
И нетерпѣиёмъ хотя мужикъ пылалъ ,
Однакожъ ничево въ пути не пожелалъ ,
Такъ мня , что съ общаго съ супругою соглася
Придумаетъ себѣ гораздо больше счастья ;
Пришедши наконецъ домой , кричить : жена !

Давай скорѣй вина !

Для радости такой , что Небо намъ послало ,
Осьмухи выпить мало.

Потомъ

Наливъ стаканъ виномъ ,
И оной осушивъ , сказалъ ей обо всёмъ ;
Однако жъ въ томъ
Едва увѣрилъ ,
Что онъ не лицемѣрилъ ,
И тѣмъ насилу могъ ей правду доказать ,
Что бъ эдакъ онъ вовѣкъ не выдумалъ солгать.

Тутъ начали они смекать ,

Чего бъ имъ лучше пожелать.

А между тѣмъ , какъ симъ супруги занимались ,
Ихъ щи на угольяхъ въ печи разогрѣвались.
Филать вскричалъ , смотря на угольки :

Ахъ! если бы теперь аршинъ свиной кишки!

Ужъ toto бѣ было гожа! —

Лишь только онъ сѣи слова сказать успѣлъ,

Какъ исполненіе желанія узрѣлъ. —

О пѣсь! дурацкая ты рожа!

Кричитъ жена;

Конечно сатана

Шепнулъ тебѣ то въ ухо?

Алмазовъ, яхонтовъ ты могъ бы пожелать;

А ты, свишня! набить желаешь брюхо,

И только лишь смекаешь жрать!

Симъ ласковымъ словамъ супруга въ заключенье

Дала ему туза,

И чуть не выдрала глаза.

Филать нашъ, потерявъ терпѣнье,

Едва не пожелалъ тихонько — овдовѣть; —

Не могъ бы, можетъ быть, онъ лучше похотѣть;

Однако же умѣлъ обиду ту стерпеть,

И только пожелалъ супругъ въ наказанье,

Чтобы аршинъ кишки сей къ носу ей приросъ.

Исполнилось его желанье:

Украсился кишкой мгновенно женщинъ носъ.

Въ какое же пришла она смущенье,

Увидя страшное столь носа приращенье!

Кричитъ она: мошенникъ! плуть!

Скотина! —

Грозить отдать его подъ судъ.

Взбѣсилась Акулина:

Реветь быкомъ ,
Комшить безъ милости Филата башмакомъ ,
И хочеть поступить не такъ еще съ нимъ грозно ,
А имянно , кишкой стращаеть удавить.
Филать раскаялся тогда , но только поздно :
Что пролито , то ввѣкъ не можетъ полнымъ быть .

Но чѣмъ же горю пособить ?

Онъ началъ утѣшать носастую супругу ,

И говорилъ ей такъ какъ другу :

Не плачь , дружочикъ мой !

Хоть я и виноватъ безмѣрно предъ тобой ,
Но починить берусь , мой свѣтикъ , носикъ твой .
Богатымъ бариномъ лишь быть я пожелаю ,
И сдѣлавъ длинную серебряну дуду ,
Мы спрячемъ , женушка , въ нее твою бѣду .
Притомъ же хоть мужикъ , но столько-то я знаю ,
Что носъ у богачей всегда живетъ пригожъ ;
Повѣрь , Акулюшка ! что правда то , не ложь
Нѣтъ , къ стать ли ! жена и слушать не хотѣла ,

Но всё своё несла :

Ругала мужа безъ числа ;

Змѣей шипѣла ,

И вдругъ вонъ изъ избы какъ птица полетѣла ,

Крича : я удавлюсь ,

Когда отъ сей кишки проклятой не избавлюсь ,

Иль въ стѣну лбомъ ударюсь ,

И сей же часъ убьюсь ! —

Филать , увидя , что не схоже то на шутку ,

И по крестьянски, впрямь любя свою жену,
Забывъ ея вину;

Престаль ей предлагать серебряную дудку,

И пожелаль,

Чтобъ лишній носъ ея отпаль.

Вотъ чемъ обѣщанны желанія скончалъ!

И такъ по прежнему остались у Филата

Лишь дѣти, да жена, труды, топоръ, и хата.

Прошу, читатели, мнѣ въ грѣхъ то не вѣнчать,

Что здѣсь еще мораль хочу я приклеить:

Желаемъ мы чиновъ, желаемъ быть богаты;

И не умбючи собою владѣть,

Желаемъ надъ людьми начальство мы имѣть;

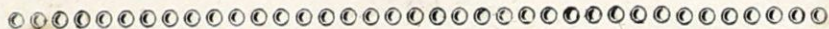
Желаемъ — но желать вѣдь надобно умѣть!

Мы строимъ въ воздухъ палаты;

У Неба просимъ пустяковъ,

И, словомъ, безъ обиняковъ,

Едва не всѣ ли мы Филаты!

ПРИСТЫЖЕННЫЙ МУДРЕЦЪ.

Б Ы Л Ъ.

» Кто сколько мудростью ни знатенъ ;
» Но всякой человекъ есть ложъ. «

Ода къ Фелице.

Пусть хладный Мизогинъ прекрасный полъ злословить.

Пушай его кричить, что онъ
Въ любовны съти насъ на то лишь только ловить,
Что будто весело ему нашъ слышать стонъ ;
Что женской милой взглядъ ехиднино есть жало ;
Что вѣрной женщины на свѣтъ не бывало ;
Чтобъ блеска всѣхъ богатствъ , всѣхъ скиптровъ и
коронъ ,
Всѣхъ въ мѣрѣ почестей и рая даже мало ,

Чтобъ постоянными принудить женщинъ быть,
И что не будетъ въ вѣкъ онъ ни одной любить. . . .

Но недостатки ихъ хоть годъ онъ станетъ числить,

Я все по старому намѣрень мыслить,

Не слушая отнюдь его угрюмыхъ вракъ;

Пусть продолжаетъ онъ бранить изъ всей ихъ силы,

Мнѣ женщины всегда казаться будутъ милы,

И Мизогинь медвѣдь, комъ снѣгу и — дуракъ. . . .

Надъ нами женску власть докажетъ повѣсть эта,

Которую начну я сказывать вотъ такъ:

Завоеватель полусвѣта

Царь Македонскій Александръ,

Герой, какова и Скамандръ

Не зрѣлъ на берегахъ своихъ во всѣ тѣ лѣта,

Какъ орошаемый имъ градъ

Насилу хитростью былъ взятъ;

Отъ Александра жъ бы отдѣлался онъ врядъ.

Стоустая Молва охрипла,

Трубя его дѣла, трубя хвалы ему;

И къ воину сему,

Какъ муха къ патокъ, Фортуна такъ прилипла.

Но вдругъ среди своихъ безчисленныхъ побѣдъ,

Онъ грозный мечъ въ пожны влагаетъ;

Опустошенный бѣдный свѣтъ

Спокойство наконецъ вкушаетъ:

Не льется болѣе рѣкой невинныхъ кровь.

Да кто же, спросятъ, былъ премьны сей виною?

Тотъ, тигра лютаго кто дѣлаетъ овцою,

А именно : Любовь.

Она глазамъ его Темиру представляетъ,
Которая въ себѣ всѣ прелести вмѣщаетъ.

Такую красоту описывать не мнѣ,
Какой я въ жизнь мою не видывалъ во снѣ.
Эссенція была она изъ всѣхъ трехъ грацій.

Такъ пусть Д ъ, нашъ Горацій,
Изобразить ее, когда ему досугъ :

Онъ Музамъ первый другъ.

Иль пусть перомъ своимъ, перомъ изъ райской
птицы,

Нашъ неподобный К нь,

Опишетъ прелести небесной сей дѣвицы,

Такъ какъ умѣетъ онъ одинъ . . . —

Вселенной пышная корона

Противъ любви не оборона.

Крылатое дитя,

Къ Царю внезапно прилетя,

Одной улыбкой прекращаетъ

Военный страшный громъ,

И Марсовъ шумный домъ

Въ храмъ матери своей мгновенно превращаетъ,

И словомъ, ставитъ все въ верхъ дномъ.

Купцы, дворяне, царедворцы

Пылаютъ страстнымъ всѣ огнемъ ;

Простые воины и даже полководцы

На посошки

Булатные мечи мѣняютъ

И всѣ поютъ , да сочиняютъ

Любовныя стишки.

А наша братья стихотворцы ,

Сии старинныя льстецы ,

Военныхъ подвиговъ преставши быть пѣвцы ,

Слагаютъ пѣсенки , идилліи , эклоги.

Къ Парнассу полны столь народомъ всѣ дороги ,

Что тѣсноты такой

Никто не видывалъ во вѣкъ и на Тверской.

Всѣ тяжкіе пускаютъ вздохи ,

И слышны лишь вездѣ одни увы , да охи.

Короче вамъ сказать , любовно ремесло

Въ такую моду вдругъ вошло ,

Что всякой только имъ однимъ и занимался ;

Никто не дѣлалъ дѣлъ ,

А лишь вздыхалъ , да пѣлъ ;

Подъячій ужъ не въ судъ , а на Парнассъ таскался.

Вотъ силенъ какъ Царевъ примѣръ !

Народъ большая обезьяна ,

И очень правильно сказалъ старикъ Вольтеръ ,

Что Августъ пилъ когда , была вся Польша пьяна.

Любовь однако жъ не бѣда ,

И возбранять ее Вельможамъ бы не должно ;

А въ особенности тогда ,

Когда съ ихъ должностію ей совмѣщаться можно ,

И быть лишь отдыхомъ отъ тяжкаго труда.

Но если бъ такъ случилось ,

Чтобъ Царь , или Министръ совсѣмъ ей предался ,

То бѣ это ни куда конечно не годилось.

Однако жъ , кажется , я слишкомъ заврался :

Съ моралью мнѣ пора проститься ;

Я все пустое говорю ,

И къ Македонскому Царю

Давно ужъ время возвратиться.

Учитель былъ его и дядька Аристотъ.

Аристотелемъ бы назвать его мнѣ должно ;

Но всякой тотъ ,

Кто писывалъ стихи , разсудить что , не можно

Такова имени и въ стихъ почти вломать ,

Такъ за это хулы не лзя мнѣ ожидать.

Едва ль не первый былъ политикъ

Сей славный и ученый мужъ ,

Былъ философъ , поэтъ и критикъ ,

Былъ проповѣдывать мораль отменно дюжъ ;

Былъ къ женщинамъ не падохъ ,

И видя страшный безпорядокъ

Въ совѣтахъ , въ войскахъ и въ судахъ ,

Пошелъ , откинувъ страхъ ,

Мыть голову — Владыкѣ міра ,

И началъ такъ : » твоя Темира

» Ослабила въ тебѣ геройскій прежній духъ.

» Тотъ Царь , что налагалъ на всю вселенну дани ;

» Кто лаврами топить торговья могъ бани ;

» Кто очертилъ мечемъ почти земной весь кругъ ;

» Тотъ гордый Царь лежитъ теперь у ногъ дѣвочки ,

» Вздыхаетъ передъ ней , цѣлуетъ ей ручонки ,

» И скоро, кажется, бояться станеть мухъ!

» Какъ могъ унизиться ты до любовной страсти,

» Которой грубыя, вещественныя сласти

» Приличны лишь однимъ скотамъ?

» Ахъ! стыдъ какой и срамъ!

» Не Персы, куры все смѣяться стали намъ.

» Спѣши спасать себя отъ эдакой напасти. . . . «

За этотъ комплиментъ

Не многобъ царедворецъ

Могъ получить чиновъ и лентъ;

Но нашъ утрюмый страстоборецъ

Не лакомъ былъ до нихъ

И правду говорить всегда былъ очень лихъ,

Хотя и стихотворецъ.

Царь, бросивъ на него стыдливо-грозный взоръ,

Сказалъ: » мнѣ кажется, мудрецъ, ты мѣлешь вздоръ

» Такъ грубо говорить не смѣй впередъ со мною! . . . «

И обратясь къ нему спиною,

Ушелъ, и проповѣдь его

Пересказалъ своей любезной,

Примолвя, что мудрецъ трудъ принялъ бесполезной,

И поднималъ на смѣхъ онъ дядьку своего.

Досада, между тѣмъ, Темиръ сердце можетъ.

Сюю досаду тотъ одинъ представить можетъ,

Иль правильнѣе молвить, та,

Которая сама любимицейъ бывала,

И слѣдственно сама собою испытала,

Какъ сладко занимать подобныя мѣста,

И какъ несносно ихъ лишаться ;
Несносно , точно такъ ,
Какъ въ адъ изъ рая низвергаться ,
Коль не безщотной я дуракъ .
Темира мщеніемъ однако же пылаеть :
Мгновенно планъ ему въ умъ своемъ чертить ,
Царю объ ономъ сообщаетъ ,
И общаетъ ,
Что завтра жъ старому хрычу она отмститъ
И дьябно ! Какъ же онъ Царю не возбраняеть
Родъ человѣческой рубить и жечь
Варить и печь ,
Любится же не дозволяетъ !
За это бѣ мудреца не худо и посьчь —
Аристотелевъ же учебный кабинетъ
Устроень былъ надъ цвѣтниками .
Старикъ чѣмъ свѣтъ
Ходилъ туда учиться
И въ фоліантахъ рыться .
По утру Царь дневной изъ Понта лишь возникъ ,
Темира , легинькой тюникъ
Накинувъ на себя , летить въ цвѣтникъ ,
Надъ коимъ жилъ старикъ .
Спѣша свершить свои затѣи ,
Имя на умъ лишь мщеніе одно ,
Плутовка на его окно
Наводитъ сильныя кокетства батарей .
Старикъ давнымъ давно надъ книгами корпѣль ,

Трудился и потѣлъ ,
Какъ всё такіе грамотеи. . . .
Какъ вдругъ ,
Небесно пѣніе Сирены
Сквозь толстыя проникнувъ стѣны ,
Его пронзаетъ слухъ ;
Затрепетали въ немъ всё жилки ;
Сильнѣе Лейденской бутылки (*)
Сей неподобный гласъ
Всѣ фибры въ немъ потрясъ .
Онъ бросился къ окошку
И что жъ узрѣлъ въ саду ? — Конечно ужъ не кошку ;
Онъ видитъ на софѣ дерновой всё красы :
Малиновы уста , каштанныя власы . . .
» Что въ сердцѣ у меня такъ стало гомозиться ?
Вскричалъ Аристотель . » Ахти ! никакъ любовь !
» Но къ стать ли мнѣ такъ на старости страмиться ,
» Когда моя холодна кровь
» Дошла уже почти до точки замерзанья ;
» Мнѣ ль страстныя пускать вздыханья ?
» Мнѣ ль чувствовать любовь ,

(*) Для незнающихъ Физики долженъ я сказать , что Лейденская бутылка есть стеклянный сосудъ , обложенный внутри и съ наружи оловянными листами до двухъ третей высоты ; одну или нѣсколько такихъ банокъ присоединяють къ электрическимъ машинамъ для сильнѣйшаго дѣйствія .

» Когда гнететь меня годовъ тяжело бремя ;
» Когда жестокое , неумолимо время
» Кладеть мнѣ лысую печать свою на темя ;
» Какъ на лицѣ моемъ есть тысячь пять морщинъ ,
» И смерть отъ плечъ моихъ ужъ только на аршинъ ? ...
» О , мудрость ! тщетно ль я гонялся за тобою ?
» Спиши на выручку къ любимцу своему !
» И сжался надъ моею несчастною судьбою ,
» Изъ сердца изгоняй любовную чуму . . . «

Однако жъ какъ мудрецъ съ любовію ни вздорить ,

Ее не переспорить :

Ей самой сильной силлогизмъ

Ничто , какъ слабый лишь софизмъ .

Эротъ мальчишка своевольный ,

И Логика его сильный гораздо школьной .

Мудрецъ въ досадѣ самъ себя глаза подбилъ ;

Но сколько онъ ни куролись ,

Эротъ однако жъ въ немъ премудрость перевѣсилъ

И въ рекруты къ себѣ его онъ подцѣпилъ . —

Нашедши Моралистъ нашъ зеркальца кусочикъ ,

Искусно восщечкомъ къ обоямъ прилѣпилъ :

Оставшихъ волосовъ пригладилъ хохолочикъ ;

Потомъ , открывъ свой чемоданъ ,

Онъ вынулъ изъ него голубинькой кафтанъ ;

На шею повязалъ платочикъ ,

Какъ будто алицькой цвѣточикъ ,

Въ карманъ же положилъ другой ,

Италіанской голубой ;

А въ праву руку взялъ онъ модную дубинку,
И словомъ, точно такъ,
Одѣлся старой нашъ дуракъ,
Какъ, въ *по мосту мосту*, поють намъ про дѣ-
тинку.

Окончивъ туалетъ

И съ мудростью простясь, пошелъ нашъ дѣдъ

Еще страмиться:

Пошелъ въ любви своей Темиръ онъ открыться,
И въ ноги къ ней упавъ, сказалъ ей: «весь я твой!
» Ступай хотя сей часъ въ Гражданскую Палату
» И крѣпость совершай, а за это въ заплату
» Хоть взглядомъ награди жестокой пламень мой.
» Я лишникъ предъ тобой лѣтъ сорокъ пять имѣю,
» Но слово лишь скажи — я въ мигъ помолодѣю;
» Совсѣмъ перерожусь,
» Не въ дѣдушки тебѣ, въ любовники гожусь. . . . —
» Что вижу я, кричить Темира,
» Тотъ славный философъ, свѣтильникъ гордый міра,
» Которой нападалъ такъ на любовну страсть
» И хладнокровіемъ хвалился,
» Неустыдился
» Къ ногамъ моимъ упасть?
» Сей важный Моралистъ *лежитъ у ногъ дѣвочки!*
» *Вздыхаетъ передъ ней, цѣлуетъ ей ручонки!*
» Ты вѣрно, дѣдушка, смѣешься надо мной?
» Какъ можно этому повѣрить! . . .
» Но способъ я нашла любовь твою измѣрить;

» И если справедливъ жестокой пламень твой,

» Конечно ты мое исполнишь предложенье :

» Пришло мнѣ сильное хотѣнье

» Поѣздить на тебѣ верхомъ. . .

» Постой! я сбѣгаю въ минуту за сѣдломъ. . . «

Не могъ ему обманъ плутовкинъ быть примѣтенъ :

Кто истинно влюбленъ, тотъ слѣпъ и безотвѣтенъ.

Мудрецъ же былъ притомъ весьма самолюбивъ ;

И такъ, себя забывъ,

На четвереньки становится

Нашъ старой грѣшникъ и страмецъ,

И подъ сѣдломъ уже какъ добрый конь бодрится. . .

Какъ долженъ быть смѣшонъ осѣдланной мудрецъ!!..

Темира ставитъ ножку въ стремя,

И будучи какъ пухъ легка,

Вспрыгнула въ мигъ на старика ;

Толкаетъ подъ животъ его и подъ бока,

Какъ будто лошака :

А онъ, почувствовавъ пріятное столь бремя,

Запрыгаль, заскакаль,

Какъ Александровъ Буцефаль.

Печаталь на песокъ свои онъ руки, ноги ;

Ученая жъ его сѣдая борода,

Какъ будто помѣло, мѣла въ саду дороги ;

Но что же, мыслить онъ, какая въ томъ бѣда ?

Не вѣчно мнѣ возить, на все вѣдь есть чреда. . . .

А между тѣмъ его Темира погоняетъ

И пѣсни попѣваетъ.

Ужъ всё почти мѣста избѣздилъ онъ въ саду. . . .

Какъ вдругъ — о Боги!

Къ смертному его стыду

И къ неописанной досадѣ,

Когда лишь только онъ пускаться сталъ въ галопъ,

Смѣхъ громкій поразилъ его какъ камень въ лобъ.

Но кто жъ смѣялся такъ? Самъ Царь тутъ былъ въ
засадѣ. . . .

» Ага! вскричалъ Монархъ, премудрый Аристотъ!

» Что скажешь ты теперь? Не тотъ ли полно скотъ,

» Съдмать себя кто позволяетъ

» И такъ искусно роль осла кто представляетъ?... — «

Осѣдманный мудрецъ, стыдясь глядѣть на свѣтъ,

Зажмуривши глаза, далъ сей Царю отвѣтъ:

» Такъ, смѣйся, Александръ, я этого достоинъ.

» Но видишь ли теперь,

» Какой, любовь, опасный звѣрь?

» Ты вѣчно безъ нее былъ первый въ свѣтъ воинъ,

» А я, пошлось на всѣхъ, былъ хоть куда мудрецъ,

» А нынѣ, вижу самъ, что сталъ большой подмецъ.

» Послушай же меня! оставь колдовку эту!

» Семь мудрецовъ она способна впречь въ карету,

» Не только осѣдмать меня. . . «

Но если бъ Аристотъ прочелъ морали книгу,

То и тогда бы скушалъ фигу:

Не залилъ бы въ Царь любовнаго огня:

Темиру онъ любилъ сердечно;

Но такъ какъ все у насъ невѣчно,

То сей огонь горьль, горьль, да и погась.
Вы видите, друзья, что время во сто разъ
Въ сихъ случаяхъ сильнѣй всѣхъ школьныхъ пус-
томелей,
Сильнѣе Логикъ и всѣхъ Аристотелей.

СПбГУ

Б А С Н И.

СПбГУ

ТЫКВА И ЖОЛУДЬ.

Все что ни видимъ мы, премудро создалъ Богъ,
И рѣдкой, думаю, въ томъ будетъ несогласенъ,
 Что мѣръ хороша, коль не прекрасенъ.
Я множествомъ вещей то доказать бы могъ;
Но вдалѣ ходить зачѣмъ? сей трудъ бы былъ на-
 прасенъ,
Когда я подъ носомъ ту мудрость нахожу,
И оную сей часъ вамъ въ тыквахъ покажу.
 Примѣръ мнѣ вотъ какой попался:
 Одшажды, лѣтнею порой,
 Макаръ домой
 Съ работы возвращался;
Нашелъ онъ на пути какой-то огородъ,
 Въ которомъ росъ сей крупной плодъ;
Съ другой же стороны онъ видитъ лѣсъ дубовой.
 Предметъ казалось бы не новой;
Но взяло отъ того раздумье мужика.
Погладивъ бороду, подпершись подъ бока,

Мужикъ пришелъ въ сомнѣнъе,
И превратяся въ мудреца,
Такое сдѣлалъ разсужденъе:

.....
.....
Мужикъ съ три короба еще бѣ наговорилъ ;
Но отъ усталости, притомъ же и отъ жара,
Вдругъ сонъ его склонилъ.

А прежде, чѣмъ лечь спать, онъ сдѣлалъ заключенъе,
Что за премудрое такое откровенъе
Въ прикащики его бояринъ избереть,
И что умнѣй его во всей округѣ пѣтъ.
Мужикъ, какъ сатана, сей мыслью возгордился,
И спать подъ дубомъ повалился.

Но только лишь заснуть успѣлъ,
И захрапѣлъ,
Какъ съ верьху дуба вдругъ свалился
Отъ вѣтру жолудокъ,
И прямо въ носъ ему такой влѣпилъ щелчокъ,
Что нашъ прикащикъ пробудился,

Нельпо закричавъ
Потомъ сыскавъ;
Тотъ жолудъ, боли сей причину,
Которой у него остался въ бородѣ,
Ага! сказала Макарь, мой носъ-то весь въ рудѣ!
Не на прикащика, похожъ я, на скотину!

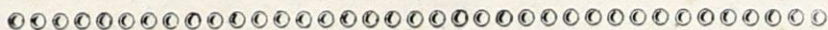
И всякой тотъ
Кто Бога хаетъ,

Хоть звѣзды онъ съ небесъ хватаетъ,
Какъ я, такой же скотъ.

Ну если бѣ тыква-то грѣхомъ упала съ дуба,
То не осталось бы во рту моемъ ни зуба.

СЛБГУ

Н О В И З Н А .

Въ страну, дурачество въ которой обитаетъ,
Зашла однажды Новизна:
Народъ на встрѣчу ей бѣжить и восклицаетъ:
О! какъ же хороша она!

Младая Новизна! останься жить ты съ нами!
Кричали дѣти суеты;
Ты будешь дѣйствовать надъ нашими душами
Сильнѣй ума и красоты.

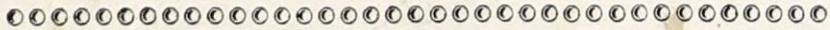
Согласна съ вами я, друзья мои, остаться,
Рекла Богиня дуракамъ;
Вы завтра жъ можете со мною повидаться,
Коль такъ мила я стала вамъ.

Лишь только день насталъ , Богиня нарядилась
Такъ точно , какъ была вчера ;
Но первый , коему она лишь появилась ,
Вскричалъ : ахъ ! какъ она стара !

Слбгу

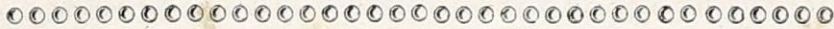

СМЕРТЬ И ДРОВОСѢКЪ.

Согбенный старостью, трудами изнуренный,
Какой-то дровосѣкъ подь ношей дровъ стоналъ,
И вдругъ послѣднихъ силъ усталостью лишенный,
Онъ, сбросивъ съ плечь дрова, кончину призывалъ.
Зачемъ ты звалъ меня пришедши смерть спросила. —
Затѣмъ, чтобъ ты дрова тащить мнѣ пособила.

ПЫЛЬ И АЛМАЗЪ.

Однажды, лѣтнею порою,
Ужасная гроза возстала послѣ зною;
Завылъ жестокой вѣтръ, дубъ гордый затрещалъ;
Стихи межъ собой заспоривъ подралися;
Пыль, стружки, щепки, листь, на воздухъ под-
нялися,
Взвилися — и бурный вихрь ко тверди ихъ помчалъ:
Съ главы красавицы, гуляющей съ петиметромъ,
Не знаю какъ-то вдругъ Алмазь сорвало вѣтромъ,
И кто-то невзначай въ навозъ его втопталъ.
Пыль, между тѣмъ, узрѣвъ себя подъ небесами,
И видя чуть Алмазь внизу попрунъ ногами,
Негоднымъ подлецомъ гордась его звала.
Однако же сія надменная хула
Въ Алмазь никакой досады не раждаетъ;
Онъ ей съ презрительной улыбкой отвѣчаетъ:
Пространство правда насъ большое раздѣляетъ,
Но разность больше есть еще съ тобой у насъ;
Ты пыль — а я Алмазь.

СОЛОВЕЙ, ПОПУГАЙ,
КОШКА И МЕДВѢДЬ.

Весьма, мнѣ кажется, тотъ глупо поступаетъ,
Кто свой лишь хвалить вкучь, а прочихъ охуждасть.

Я это докажу
Сей часъ примѣромъ,
И сказку вамъ скажу
Езоновымъ манеромъ. —

Ахти! читатели, какой я молодецъ!
Я вамъ изъ басни сей двѣ выведу морали,
Изъ конхъ первую ужъ вы и прочитали,
Вторую жъ берегу на самой я конецъ.

Однажды Соловей спросилъ у Попугая:
Скажи, что въ комнатѣ у васъ за вонь такая,
Сосѣдь любезной мой!
И что за дымъ такой,
Тяжелой и густой,
Ко мнѣ сквозь сѣтку
Набился въ клѣтку?

Мнѣ тошно отъ него и ломить голова. —

По людски Попугай болтать былъ мастеръ;
Онъ вотъ какъ отвѣчалъ : виной тому трава,

Которая зовется кнастеръ ;

Ее нашъ Баринъ жжетъ ,

И этотъ дымъ , мой свѣтъ ,

Которой боль тебѣ такую приключаетъ ,

Онъ съ жадностью глотаетъ ,

Великой находя въ ней смакъ . —

Какой же онъ дуракъ !

Возможноль статья ,

Воскликнулъ Соловей ,

Чтобъ могъ питаться

Онъ дрянью сей ?

Не ужто въ свѣтъ есть такіе басурманы ,

Для конхъ могутъ быть невкусны тараканы ?

Они-то прямо барской кусъ !

А онъ отъ кушанья такова морщитъ усь ;

О ! какъ испорченъ пышь вкусъ ! —

Вздоръ ! молвилъ Попугай ; не то онъ долженъ ку-
шать ;

А если бъ онъ хотѣлъ меня послушать ,

И былъ бы умной человекъ ,

Тогда бъ лишь сахаръ ѣлъ и не пилъ бы вовѣкъ . —

Не правы оба вы , мякнула имъ Кошка ;

Когда бы вкусу онъ хоть капельку имѣлъ ,

То бъ безъ сомнѣнія мышей да крысъ лишь ѣлъ . —

Всѣ трое глупы вы ! внезапно заревѣлъ

Медвѣдь , прикованный къ столбу возлѣ окошка ;

Когда бь по правиламъ онъ вкуса поступаль,
То вѣрно бы себя хищеніемъ питаль,
Безсильныхъ, такъ какъ я, терзая безъ разбору,
А въ осень, выкопавши нору,
Онъ въ ней бы полгода по моему лежалъ
И жиръ изъ лапъ сосалъ. . .

Ну, что вы скажите объ этомъ?
Не самой ли благой советъ ему я далъ? —
Погибни ты, Медвѣдь, съ благимъ твоимъ советомъ!
И такъ ужь многіе по твоему живутъ;
Лишь тѣмъ страшнѣй тебя, что жиръ чужой сосутъ.

Закричала Фиделька. — Но гдѣ жь лучше взять?
Тяжело воздохнувъ ей отвѣтствовалъ песь :

Я и то почитаю за кладь,

И безъ памяти радъ,

Что такое мнѣ лакомство дворникъ принесъ.

О бѣдняжка! сказала собачка ему :

Какъ мнѣ хочется горю помочь твоему!

Ты бы могъ письмецо господину подать

И въ немъ службу и нужду свою описать.

Песь сказалъ ей въ отвѣтъ :

Благодарень, мой свѣтъ,

За твой доброй совѣтъ,

Но въ немъ пользы мнѣ нѣтъ.

Господину извѣстно ужь нѣсколько лѣтъ,

Какъ я жизнь здѣсь веду,

И надежду спастись отъ несносныхъ сихъ бѣдъ

Я на смерть лишь кладу.

Голодь, холодъ терплю ;

И всю ночь на пролетъ я не сплю ;

Стерегу, чтобы воръ

Какъ нибудь чрезъ заборъ

Не прокрался на дворъ ;

Отъ бреханья жь какъ чирій болитъ голова,

А награда за службу мнѣ вотъ какова! —

Вотъ какая мораль къ этой баснѣ годна :

Жизнь почти не всегда ль тѣхъ бѣдна,

Отъ которыхъ видна

Только польза одна ?

ОТСТРѢЛЕННАЯ НОГА.

О вещахъ такихъ есть споры,
Каковыхъ въ природѣ нѣтъ,
И за то ученыхъ ссоры
Вѣрно слышалъ часто свѣтъ.
Коль кому соврать случится,
Что не скоро проявится
Въ три ста сажень Великанъ,
То педантъ, взявъ инструменты
И Эвклида элементы,
Правдою почти обманъ,

Измѣряетъ Великана,
И по знанью своему
Скажетъ, сколько для кафтана
Надобно сукна ему,
Сколь велики голѣнницы;
Много ль съестъ уродъ сей пищи;
Дурень онъ, или пригожь;

А того не разсуждаетъ,
Не напрасно ль трудъ теряетъ,
Правда ль слухъ тотъ, или ложь.

Бросимъ мы правоученье,
На другой оставимъ разъ.
Полно дѣлать поученье,
А скажу теперь разсказъ,
Докажу которымъ ясно,
Что трудиться чѣмъ напрасно
И надъ вздорами потѣть,
Лучше будетъ, если прежде,
Не повѣривши невѣждѣ,
Вѣроятно ль, разсмотрѣть.

Нѣкто письма получаетъ . . .
Вѣсть покажется нова ;
Съ удивленьемъ онъ читаетъ
Въ томъ письмѣ сіи слова ,
Что въ военную тревогу
У матроса чемъ-то погу
Въ корабль отшибло прочь ;
Льбкаръ , погу ту приставя
И по прежнему направля,
Вмигъ умѣлъ ему помочь.

Прочитавъ, сказалъ : » Признаюсь,
» Эта вѣдомость чудна ;
» Лишь немного сомпѣваюсь,
» Справедлива ли она.
» А дабы извѣдать точно,
» Вправду ль то , или нарочно,
» Къ Докторамъ за тѣмъ пойду :
» Въ ихъ собраніи ученомъ
» Донеся о чудѣ ономъ,
» Вѣрно истину найду. «

Взявъ съ собою ту страницу,
Онъ пошелъ въ ученыхъ домъ ;
Показавъ имъ небылицу,
Просить толку онъ о томъ ;
А ученые читаютъ,
Межъ собою въ споръ вступаютъ,
Подымаютъ шумъ и крикъ.
Правъ изъ нихъ хотѣлъ быть всякой ;
Чуть не кончился шумъ дракой,
Сдѣлался соблазнъ великъ.

Былъ одинъ весьма задоренъ
Изъ мужей премудрыхъ тѣхъ ;
Бывъ симъ споромъ недоволенъ,
Превзойти желая всѣхъ,
Диссертацию мараетъ,

Длинну книгу сочиняеть
Толщиною пальцевъ въ шесть.
Онъ безъ отдыха трудится,
Доказать въ той книгѣ тщится,
Что правдива эта вѣсть.

Трудъ мудрецъ свой совершивши,
На бѣло списавъ тетрадь,
И латинью испестривши,
Отдаетъ ее въ печать.
А что вѣсть сія не ложна,
Вѣроятна и возможна,
Силлогизмомъ доказаль,
Пишетъ: есть дѣла труднѣе,
Вѣримъ имъ, хоть и чуднѣе,
Ergo: я за правду сталь.

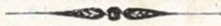

Между тѣмъ какъ сей ученой
Свой надменный тѣшить духъ,
Тотъ, кто слухъ разсѣялъ оной,
Вотъ о немъ что пишетъ вдругъ:
» Государь мой! не взыщите;
» Я ошибся, извините,
» Хоть ошибка и мала;
» Вѣдь нога, что отстрѣлили
» И такъ скоро приростили,
» *Деревянная была.* «

КЕДРЪ.

Любимецъ гордаго Царя восточныхъ странъ,
Блестящихъ милостей Калифовыхъ лишенный,
Стрѣлами зависти сраженный Зюлиманъ,
Въ пустынь въ бѣдности влачилъ свой вѣкъ плачевный.

Честъ, слава, такъ какъ дымъ, исчезли для него:
Ихъ мѣсто заняли скорбь, слезы и страданье,
И образъ прежняго блаженства своего
Онъ зрѣлъ въ мучительномъ одномъ напоминаньи.

Еще ударъ ему наносить злобный рокъ:
Младую, пѣжную Фатиму онъ теряетъ:
Объятый мразомъ бѣды, сей утренній цвѣтокъ
Въ глазахъ несчастнаго супруга увядаетъ!

Остался сынъ ему, милый сокровищъ всѣхъ;
Сей сынъ бы нѣкогда закрылъ его зѣнницы,

Онъ былъ бы въ старости виной его утѣхъ...
Увы! невиннаго ведутъ во мракъ въ темницы!

Кого жъ наперсникомъ тоски своей избралъ
Злосчастный Зюлиманъ въ своемъ уединеньи?
Невинность онъ свою предъ Кедромъ изъявлялъ,
И дереву сему ввѣрялъ свое мученье.

Содѣлавшись рабомъ обычая сего,
Стеналъ онъ нѣкогда при корнѣ древа сидя;
Свидѣтель прежнія великости его
Съ улыбкой злобною сказалъ, его увидя :

Не стыдно ли тебѣ столь малодушнымъ быть?
Иль мнишь, что жалобамъ твоимъ сей кедръ внимасть?
Льзяль утѣшеніе отъ древа получить?...
Несчастье, Зюлиманъ, твой разумъ заблуждаетъ.

Въ отвѣтъ сии слова ему страдалецъ рекъ:
Дивишься ты, что кедръ меня сей утѣшаетъ?
Нѣжибе онъ тебя, жестокой человекъ!
По крайней мѣрѣ онъ мнѣ плакать не мѣшаетъ.

П О Э М А.

С17677

Прозрачныхъ лдяныхъ сосулькахъ,
Да въ таковыхъ же пулькахъ,
Которы бѣдная Аврора вмѣсто слезъ,
Отъ стужи плачуца, бросаетъ къ намъ съ небесъ?
Но кто жъ виновенъ въ томъ, коль самъ ты насъ не
грѣешь?

Ты права не имѣешь
Коситься такъ на насъ.
Услышь же мой къ тебѣ охрипый съ стужи гласъ,
Пожалуй, сдѣлай одолженъе!
Просунь сквозь снѣжныхъ тучъ
Хотя одинъ свой лучъ,
И мерзлое мое распарь воображенъе.
Теперь, читатели, прошу мнѣ сдѣлать честь,
Прочестъ,
Что объ Эротѣ вамъ желаю я донестъ.
Оставя нѣкогда небесные чертоги,
Задумали сойти на землю древни Боги;
Омиръ покойникъ былъ тогда еще въ живыхъ,
И онъ-то позвалъ ихъ.

Зачѣмъ? вы спросите; — не знаю:
Откушать, можетъ быть, или на чашку чаю;
Извѣстно, что онъ былъ имъ закадышной другъ:
Бдаль амброзію, тянулъ и нектаръ съ ними;
Со спящихъ же Богинь обмахивалъ онъ мухъ,
И часто забавлялъ ихъ сказками своими.
Но полно вамъ скучать подробностями сими.
Теперь побѣдемъ мы на часъ въ небесной домъ:

Мнѣ хочется , чтобъ вы со мною прокатились ,
И посмотрѣли бѣ тамъ , какъ Боги въ путь пусти-
лись .

Они отправились въ порядкѣ вотъ какомъ :
Зевесъ сѣлъ на орла съ Юноною верхомъ ,
На всякой случай взявъ съ собой въ дорогу громъ ;
Потомъ за прочими начальными Богами ,
Вулканъ шель съ молотомъ и съ длинными рогами ;
Которы приобрѣлъ своею онъ виной ,
Ревниво поступавъ съ женой .

Позвольте на часокъ мнѣ здѣсь остановиться ,
Хочу съ ревнивыми немного побраниться .

Послушайте , друзья ,

Ревнивые мужья !

Совѣтую вамъ я

Не слишкомъ строгости къ супругамъ предаваться
Когда не любите бодаться .

Не стройте изъ домовъ своихъ монастырей ,
Не запирайте женъ , какъ старицъ иль звѣрей ;

А то , когда на часъ явится имъ свобода ,

Тогда-то госпожа Природа

Свое возьметъ ,

И то , надъ чемъ съ трудомъ вы много лѣтъ корпѣли

Въ минуту пропадетъ ;

А вы на вѣкъ съ рогами сѣли .

Совѣтъ полезный давши вамъ ,

Я обращаю къ Богамъ .

Зефиры собрались на пиръ туда же съ ними ,

Такъ и начнемъ мы ими.
Надмѣру нѣжные и малые божки,
Дабы не простудили ножки,
Обулись въ теплые сапожки,
И чтобъ отъ вѣтру имъ сберечь свои ушки,
Надѣли лисьи треушки,
И съли въ дрожки,
Въ которыхъ бабочекъ впряженъ былъ цѣлой цугъ;
А на запяткахъ, вмѣсто слугъ,
Стояла пара Шпанскихъ мухъ:
Да сверхъ того еще божковъ конвоевали
Шестнадцать бойкихъ комаровъ;
Носами острыми и пискомъ погоняли
Крылатыхъ легкихъ скакуновъ.
Но чья везется колесница
Четверкой сизыхъ голубей?
Конечно то любви Царица
Желаетъ прокатиться въ ней?
Такъ точно. Вотъ она садится;
За нею въ слѣдъ, рѣзвись, толпится
Рой цѣлой Смѣховъ, Игръ, Амуровъ и Утѣхъ.
Но какъ ихъ посадить съ собой Богинѣ всѣхъ?
Не лѣзя; однако жъ съ ней иные заломались,
Другіе въ ноги побросались,
Иные, не успѣвши състь,
Цѣпочкой свившися, за нею полетѣли,
Бросали къ ней цвѣты и пѣсни пѣли
Богинѣ въ честь;

Иные втерлись къ ней за спинку,
Иные скрылись въ волосахъ,
Иные въ ямкахъ на щекахъ,
Иные впутались въ косынку,
Иные . . . Но оставимъ ихъ;
Давно пора мнѣ догадаться,
Что я болтать отменно лихъ;
Но впредь не буду я такъ много завираться,
И въ двухъ скажу стихахъ
О прочихъ всѣхъ Богахъ:
Они туда жъ помчались,
Иной на радугъ верхомъ,
» Иной на облакъ, иной пошелъ пышкомъ;
А дома лишь Эротъ съ Дурачествомъ остались,
Одинъ за тѣмъ, что малъ; другой за тѣмъ, что глупъ.
Но что же дѣлать имъ, оставшись на просторъ?
Молчать? Эроту горе;
Калякать о любви? — Его товарищъ тупъ:
Не знаетъ и началъ прекрасной сей науки.
Наскучивъ наконецъ сидѣть поджавши руки,
Эротъ сказалъ ему вотъ такъ: Дуракъ!
Теперь одни съ тобой мы дома,
Такъ станемъ какънибудь играть,
Хоть въ жмурки; вѣдь игра тебѣ сія знакома:
Все лучше, нежели отъ скуки намъ зѣвать.
Охъ, нѣтъ! въ отвѣтъ сказалъ глупецъ Эроту;
Давно я потерялъ къ играмъ такимъ охоту;
А дай мнѣ свой колчанъ на часъ,

Хочу я испытать одинъ хоть въ жизни разъ,
Умью ль дѣйствовать и я, какъ ты, стрѣлами;
Я самъ тебѣ за то, голубчикъ, заплачу,
Пузырики пускать тебя я научу:
Клянуся въ томъ тебѣ и Стиксомъ и Богами.
Эротъ было сперва и слушать не хотѣлъ;
Но сладить съ дуракомъ, скажите, ктобъ умѣлъ?
И такъ онъ наконецъ былъ долженъ согласиться:
Дурачество жъ къ нему умѣло подлеститься,
Давъ опытъ, пузыри изъ мыла какъ пускать.
Эроту новость та чрезмѣрно полюбилась,
Товарищъ же его взялъ лукъ и сталъ стрѣлять;
Но вотъ бѣда какая вдругъ случилась:
Дурачество, разинувъ ротъ,
Въ безмѣрной радости не видя, гдѣ Эротъ,
Стрѣльнуло изъ всей своей дурацкой мочи,
И вышибло ребенку очи!
Какой нелѣпой поднялъ вой
Лишенный зрѣнія, крыматый мой герой!
Искусной же стрѣлокъ, отъ страха и печали
Разинувши свой зѣвъ,
Такой пустилъ ужасный ревъ,
Какъ будто бы съ него живова кожу драли.
Выть его оттоль повсюду разнеслось,
Все зданье отъ того небесное тряслось.
Но бросимъ мы на часъ сихъ двухъ глупцовъ не-
счастливыхъ,
И създимъ въ тлѣнный мѣръ.

Я чаю, кончился уже давно тотъ пиръ,
Которой жителямъ небесъ давалъ Омиръ.

На лицахъ ихъ, отъ спирта красныхъ,
Сверкають радости слѣды.

Не въдая совсѣмъ ужасной той бѣды,
Которая безъ нихъ на небесахъ стряслася,
Толпа божественна въ свояси поднялася,

Съ хозяиномъ простясь,

И точно такъ же, какъ и прежде помѣстясь.

Какая сдѣлалась тревога,

Какъ мать слѣпаго бога

Домой пришла!

Ахъ! что она нашла!

Богиня видитъ токи крови,

Зритъ сына своего:

Прелестные жъ глаза гдѣ были у него,

Тамъ только ямочки остались, да брови.

Тогда-то скорбь ея всѣ мѣры превзошла:

Какое зрѣлище для матери столь нѣжной!

На мѣсто розъ вступилъ въ лице ея цвѣтъ снѣжной,

Затмивши ея небесныя красы;

Терзаетъ въ горести она свои власы;

Колѣни слабыя едва ее держали,

И если бы когда Богини умирали,

То этой вѣрно бь умереть;

Но Боги вѣдь не мы, такъ какъ же быть—Терпѣть.

Но можно ль перенести столь бѣдствіе несочно?

Богинѣ же не мститъ — и горько и поносно,

Горя отмщеніемъ, вдругъ силу ощутивъ,
И взоръ съ плачевнаго предмета совративъ,
На крыльяхъ бѣшенства летить она въ чертоги,
Гдѣ былъ Зевесъ и прочи Боги.

Киприда въ ярости, въ отчаяннѣ, въ слезахъ,
Вбѣжавъ растрепана, во всѣхъ вселяетъ страхъ,
Бросается Зевесу въ ноги,

И вздохи тяжкіе пуская безъ числа,

О бѣдствіи своемъ рыдая донесла.

Зевесъ, услыша то, столь сильно огорчился,

Что чуть съ престола не свалился.

О лютаѣ напасть!

Отецъ Боговъ, разинувъ пасть,

Реветь быкомъ и стонеть,

Боговъ съ Олимпа гонить;

Потомъ съ отчаяннѣ онъ на стѣну ползъ.

Не столько въ бурный вѣтръ шумить дремучій лѣсъ,

Не столько Турокъ золь, содѣлавшись съ рогами,

Какъ злился нашъ Зевесъ, кричалъ, стучалъ ногами,

Сбираясь пересѣчь Боговъ всѣхъ батогами.

Онъ рветъ

И мечеть,

Попавшихся ему дереть,

Какъ перепелокъ кречеть;

Шумить,

Гремитъ,

Своей заморской ищетъ трости,

И хочетъ изломать Дурачеству всѣ кости.

Уставши наконецъ, Зевесъ потише сталъ,

И драться пересталъ;

Но вотъ что бѣдному Дурачеству сказалъ:

Скотина!

За то, что ослѣпилъ Кипридина ты сына,

Которой мой любимой внукъ,

Достоинъ ты ребромъ повѣшенъ быть на крюкъ;

Но я свой гнѣвъ смягчаю,

И вотъ какую казнь тебѣ опредѣляю:

Съ сего часа всегда съ Эротомъ ты ходи;

Куда бѣ онъ ни пошелъ, вездѣ его води.

Вотъ что на вѣки я тебѣ повѣлываю! « —

Потомъ пощечины двѣ-три ему влѣпиль,

Да тѣмъ и заключиль.

Съ тѣхъ поръ Дурачество всегда съ Амуромъ ходить.

Но это бы еще не важная бѣда,

А вотъ лишь плохо что: — Дурачество всегда,

Когда стрѣляетъ онъ, его руками водить;

Какой же можетъ быть тутъ ладъ?

Безмыслие божество стрѣляетъ не впопадъ;

Ударъ любви съ тѣхъ поръ намъ въ голову приходитъ

Почти всегда,

И очень мѣтко;

А въ сердце никогда,

Иль очень рѣдко.

СП6ГУ

**РАЗНЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ.**

СЛ6ГУ

ПОСЛАНИЕ.

Къ Киргизъ-Кайсацкому Царю Всемилу, Внуку Премудрыя, Великя и Единственныя Фелицы, на всерадостное возшествіе Его на Престоль, Марта 12, 1802 года. Сочинилъ на Татарскомъ языкѣ нѣкоторой Киргизецъ, а съ онаго на Россійской перевелъ П. С.

- » Текутъ пріятныя слезъ рѣки
- » Изъ глубины души моея. . . .
- » О! коль счастливы челоѣки
- » Тамъ должны быть судьбой своею,
- » Гдѣ Ангель кроткой, Ангель мирной
- » Сокрытой въ свѣтлости порфирной,
- » Съ небесъ низпосланъ скиптръ носить!»

Ода къ Фелицѣ.

- » Quel bonheur de penser et de dire en soi-même!
- » Partout dans ce moment on me bénit, on m'aime:

» On ne voit point le peuple à mon nom s'alarmer ;
» Le ciel dans tous les pleures ne m'entend point
nommer ;
» La sombre inimitié ne suit point mon visage ;
» Je vois voler partout les coeurs à mon passage. «
Racine.

Средь кликовъ радостныхъ и благодарныхъ слезъ,
Которы Твой народъ счастливый проливаетъ —
Твоими благостями онъ дни свои считаетъ —
Боготворимый Царь ! безцѣнный даръ небесъ !
Къ Тебѣ послѣднѣйшій Твой подданный взываетъ !
Къ намъ вѣсти привозилъ ужь не одинъ гонецъ,
Что Ты не столь Монархъ, сколь нѣжный намъ
Отецъ ;

Что гнѣва и тогда ни мало не являешь,
Когда, усердіемъ горя, Киргизъ простой
Дерзаетъ возносить къ Тебѣ гласъ грубый свой ;
И что не въ телескопъ на ликъ взирають Твой,
Но близко подходить къ себѣ Ты дозволяешь :
Такъ для чегожь и мнѣ не говорить съ Тобой ?
Безъ страха Твой народъ вокругъ Тебя тѣснится,
Коль дѣти мы Твои, чего жъ и мнѣ страшиться ?

О, вы ! почтенные Эмиры и Пани !
Простите пламени усердныя души,
За смѣлость ревностну мою не прогнѣвайтесь,
Пожалуйте, прощу, на часъ посторонитесь,

И дайте мнѣ упасть къ Всемиловымъ ногамъ.
Не можетъ, думаю, противно быть то вамъ,
Что зрѣнiемъ Его хочу я насладиться,
И также, какъ и вы, хочу Ему дивиться.

Хотя не игрывалъ во вѣкъ на лирѣ я,
Хоть вовсе не была у Музъ нога моя,
Но знаю, что свирѣль Киргизская простая,
Въ восторгъ дерзостномъ Всемила воспѣвая,
Ѳракийскаго пѣвца гласъ сладкій превзойдетъ.
О, Музы! ни въ одной изъ васъ мнѣ пужды нѣтъ;
Усердье лишь свое я въ помощь призываю;
Кастальску воду я изъ сердца почерпаю,
Изъ сердца я къ Тебѣ, Монархъ нашъ, восклицаю,
И тѣмъ однимъ привлечъ Твое вниманье чаю,
Что истину одну намѣрень я гласить;
А истину, слыхалъ, изволишь Ты любить.
Позволь же мнѣ теперь тѣ чувства излить
Которы всякой тотъ въ душѣ къ Тебѣ питаетъ,
Подвластенъ кто Тебѣ и слѣдственно кто знаетъ,
Что Бога милостей являешь Ты въ себѣ;
Что благость, коей свѣтъ всякъ часъ въ Тебѣ дивится,

Съ единой благостью божественной сравнится.
Еще жъ вотъ что гласить вселенна о Тебѣ,
Что Ты умѣешь быть лобезень на Престолѣ,
Что къ людямъ столько добръ, колико ихъ Ты боль.
О! украшенiе Монаршаго вѣнца!
Какъ приковать умѣлъ Ты всѣ къ себѣ сердца!

Тить потерялъ въ годъ день , а Ты ни полминуты.
Когда жь бывають сномя глаза Твои сомкнуты ?
Кто въ праздности Тебя хоть мало видѣть могъ ? —
Жилищемъ истина Твой избрала чертогъ. —
Коликое въ Тебѣ я зрю добротъ стеченье !
Въ какое прихожу отъ нихъ я изумленье !
Позволь не много мнѣ отъ рѣчи отступить ,
Дай мыслей обуздать мятущихся стремленье
И Хановъ , между тѣмъ , недобрыхъ пожурить .

О , древній Дон-Кишоть ! опустошитель міра ,
Внемли моимъ словамъ , неутомный Грекъ !
Когда бь родился ты въ блаженнѣйшій нашъ вѣкъ ,
То вѣрь , чтобъ ни одна порядочная лира
Не удостоила и брякнуть въ честь тебѣ ;
Но можетъ быть молва на той смѣшной трубѣ ,
Котору вздумалъ ей Французъ (*) одинъ прибавить ,
Взялась бы о твоихъ разбояхъ протрубить .
Не ужто мнилъ себя ты тѣмъ однимъ прославить ,
Чтобы вселенную въ верхъ дномъ оборотить ;
Чтобы отъ ужаса людей дрожать заставить
И все преобращать , что ни попало , въ прахъ ?
Злымъ тиграмъ , не Царямъ вселять прилично страхъ .
Желалъ ты , чтобъ тебя чли смертные за бога ;
Но къ божеству , познай , не та дорога
И свойство онаго нерушить , созидать ;
А кто заставилъ кровь невинныхъ проливать ,

(*) Волтеръ.

Того, мнѣ кажется, не только богомъ звать,
Но даже совѣстно именовать великимъ.

А ты, страшилище и Азіи тиранъ!

Великимъ же, къ стыду, прослывшій Тамерланъ!

Мнѣ кажется тебя звать лучше звѣремъ дикимъ.

Коль можно, такъ на часъ, Татаринъ злой, про-
снисъ,

И зря Всемиловы щедроты научись,

Что для снисканія Царя достойной славы,

Негодны ни куда медвѣжьи страшны нравы.

Та слава состоитъ, повѣрь, отнюдь не въ томъ,

Чтобъ гордо развѣзжать на плѣнникахъ верхомъ,

Или сажать людей, какъ птицъ заморскихъ, въ
кльтку.

Послушайся меня, на свѣтъ ты къ намъ приди

И на блаженную Орду (*), твою сосѣдку,

Глаза кровавые съ раскаяньемъ взведи.

А вы! что до небесъ воздвигли пирамиды,

На славныхъ берегахъ обильныхъ Нильскихъ водъ,

О пышные Цари! огромные ихъ виды

Вотъ что объ васъ гласятъ: да знаетъ смертныхъ
родъ,

Что въ каждой згнилъ изъ насъ Всемиловъ антиподъ,

Которой почиталъ людей за выючный скоть,

И думалъ, что Царемъ на то лишь былъ поставленъ,

Чтобъ онъ для одного себя на свѣтъ жилъ,

(*) Подъ симъ разумѣется народъ Всемиловъ.

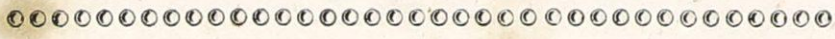
Чтобъ бѣдный подданный страстямъ его служилъ,
Чтобъ былъ работою и податями задавленъ.
Не праздность вашу удѣль, а тысячи заботъ;
Но не почувствуйте отъ словъ моихъ обиды!
Возрите вы на нашъ блаженнѣйшій народъ,
Всемилю изъ сердецъ оны строить пирамиды;
Вотъ благости Царя и трудолюбыя плоды!
Вамъ должно бѣ у него всемъ царствовать учиться;
Однако жъ съ вами мнѣ не къ стати здѣсь браниться.
Дозволь теперь къ себѣ, Всемиль, мнѣ обратиться,
Намѣстникъ въ благости и мудрости Творца!
Возможно ли Тебѣ довольно надивиться?
И лъзя ль не вымолвить о томъ еще словца!
Что Ты ни передъ кѣмъ не любишь погордиться,
Хоть много бы къ тому возмогъ найти причину?
Въ подлунномъ мѣрѣ Ты имѣешь первый чинъ,
Да сверхъ того земнымъ полшаромъ обладаешь;
Въ подданствѣ же своемъ Ты и Царей считаешь,
А Царь вѣдь всякой самъ изрядной Господинъ.
Не стыдно, кажется, ему и поклониться;
И такъ, тутъ было бы Тебѣ чѣмъ погордиться,
Когда бы вздумалъ Ты повелчаться тѣмъ.
Царь гордый не любимъ, а Ты, Всемиль, то знаешь,
Что подданныхъ любовь не лъзя сравнить ни съ чѣмъ.
Ты счастье сіе, о, Нашъ Отецъ! вкушаешь,
Колико подданныхъ, толико чадъ считаешь.
Одно привѣтствіе Монаршихъ устъ Твоихъ
Заслуги важныя съ избыткомъ награждаетъ.

И лъзя ль тому желать еще наградъ какихъ,
Кто отъ Тебя за что спасибо получаетъ?
Толпы счастливыхъ взглядъ единый Твой раждаетъ.
Не прогнѣвись, дозвожь мнѣ у Тебя спросить:
Какъ можешь чудеса такія Ты творить?
Бываютъ вѣдь Цари щедротами велики,
Однако жъ какъ-то все не на такую стать.
Скажите искренно, земные мнѣ Владыки!
Кто добродѣтели изъ васъ когда толики
Въ столь время краткое могъ свѣту показать?
Нѣтъ, повѣсть о Царяхъ такихъ мнѣ неизвѣстна.
Скажи же намъ, Всемилъ, гдѣ та страна небесна,
Отколѣ къ намъ Тебя Природа низвела?
Скажи намъ, гдѣ она таланты тѣ взяла,
Которыми Тебя толь щедро надѣлила?
Ты небожителей намъ образъ въ Немъ дала;
Колико мы тебѣ, Природа, благодарны!
Но всѣ ли благи такъ тѣ духи свѣтозарны,
У конхъ ты Его толь смѣло отняла,
Къ блаженству нашему и сладкому покою?
Всемилъ! вмѣстилище неслыханныхъ добротъ,
Рожденный учинить блаженнымъ смертныхъ родъ,
Живи у насъ! да свѣтъ гордится сей Тобою.
Достойно восхвалить Тебя стремился я;
Но видя совершенство только предъ собою
Померкло зрѣніе, смутилась мысль моя
Изобразить Тебя я дара не имѣю,
Но только лишь Тебѣ дивиться я умѣю.

И такъ, пустой себя надеждой не маю,
Умолкну лучше я и трудъ оставлю тщетный;
Но ты теперь приди, Мурза, Поэтъ безсмертный,
Приди и кисть изъ рукъ исторгни у меня!

СПбГУ

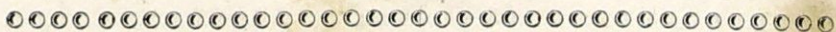
**НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
АЛЕКСАНДРА I,**

ПОСТАВЛЕННАГО ВЪ ЗАЛѢ ТОБОЛЬСКАГО ЦАРОДНАГО УЧИЛИЩА,
ПО СЛУЧАЮ ПУБЛИЧНАГО ЭКЗАМЕНА ВЪ ПОСЛѢДНІЙ МѢСЯЦѢ
1801 ГОДА.

Се безподобныя Екатерины внукъ!
Воспитанникъ Ея, другъ истины наукъ,
Рѣдчайшими души и тѣла красотами
Се первый изъ земныхъ Царей!
Едва пріямъ Онъ скиптръ, какъ овладѣлъ сердцами,
И больше Тита сталъ достоинъ олтарей.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Клитандръ! въ богатствѣ ты по горло утопаешь,
Отъ скупости жь, почти, не пьешь ты и не ѣшь.
Напрасно же, мой другъ, мотовъ увѣщаешь,
Чтобъ жили такъ, какъ ты живешь.
Вотъ для чего они тебѣ не подражаютъ:
Что жить по твоему начнутъ они тогда,
Когда
Послѣднюю свою полушку промотаютъ.

II

За что почти весь вѣкъ проводимъ мы въ мученья?
Я дамъ сей часъ отвѣтъ на то:
Адамово тому виной грѣхопаденье;
У чады его за то
Блаженство отнято;
Но если спросить кто,
За что *Скотонъ* страдаетъ? —
Другой пусть, а не я, вопросъ сей разрѣшаетъ.

III.

Клеть, сдѣлавшись больнымъ, за лѣкаремъ по-
слалъ;
Тотъ съ сердцемъ отвѣчалъ: вѣдь я не коноваль!

IV.

Съ утра до вечера гоня лошадей,
Безъ корма, безъ питья, Альцестъ скотовъ сихъ
мучить.
Кто хочетъ ихъ спасти отъ тяжкой муки сей,
Пускай Альцеста тотъ научить,
Что есть законъ,
Которой именно вотъ что повелѣваетъ:
Чего себѣ кто не желаетъ,
Да не творить того своимъ и ближнимъ онымъ.

V.

Ты хочешь знать, Дамисъ, за что твоя жена
Желаетъ зла тебѣ какъ будто лиходѣю,
Хотя и ничего не дѣлаешь ты съ нею? —
Ужъ полно не за то ль и злится такъ она?

VI.

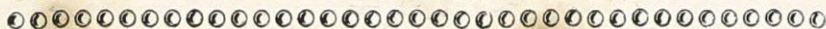
Жена Глупона за носъ водить,
И часто въ гнѣвъ она приходитъ,
Что ухватить рукой не ловко мужнинъ носъ,
За тѣмъ что оны курносы.
Простительно ль имѣть такъ мало ей догадки,

И не видать того,
Что у него
По милости ея ловчѣй есть рукоятки?

VII.

Ты жалуешся Клить, что Оирсъ тебя ругаетъ
И замарать желаетъ:
Оирсъ плуть отъявленной; о чемъ же, Клить, ту-
жить? —
Всѣ знаютъ, что онъ лгунъ; чего жъ тебѣ бояться?
Притомъ же въ этомъ ты увѣренъ можешь быть,
Что уголь сажею не можетъ замараться.

ГОРДОСТЬ.

Доколь, смертный, суетами
Свой гордый будешь духъ питать?
Доколь падменны ми мечтами
Свой разумъ станешь обольщать?
Доколь, брeнная былинка,
Одушевленная пылинка,
Кичливо станешь возглашать:
» Я Царь всѣхъ тварей, всей природы,
» Я прочихъ всѣхъ твореній роды
» Ногами созданъ попирать;

» Левъ страшный, что въ степяхъ рыкаетъ,
» Послушнымъ быть мнѣ принужденъ;
» Звѣздъ бездна для меня блистаетъ,
» Свѣтъ солнца для меня возженъ.
» Я разумомъ Творцу подобенъ;
» Одинъ лишь въ мѣръ я способенъ
» Въ предвѣчны тайны проникать.

» Завѣсу мрака раздираю;
» Взносяся къ небесамъ, дерзаю
» Цѣль мірозданья постигать;

» Натуры лоно обнаженно
» Является передо мной.
» Къ моимъ лишь ползамъ сотворенно,
» Что въ свѣтъ я ни зрю . . . « — Постой!
Постой! что рѣкъ ты, дерзновенный!
Вспомни, червь и прахъ надменный,
Что и на маломъ шарѣ семъ
Едва ты точку занимаешь!
Почто жъ себя ты называешь
Всѣхъ видимыхъ существъ Церемь?

Тебѣ ли, слабое творенье,
Творцу себя уподоблять?
На свѣтъ часть твоя — сомнѣнье:
Тебѣ ли Промыслъ постигать?
Рождень ты вѣрить, заблуждаться,
Не вѣрить, спорить, пресмыкаться,
И куклою Фортуны быть;
А ты, взносяся, ниспадаешь,
И пылью покровеешь, дерзаешь
Паденіе свое таить!

Какимъ волшебствомъ омраченный,
Не слышишь рабства тяготы?
Оковами обремененный,
Зовешь себя свободнымъ ты!
Тебя одолеваятъ страсти;
Ты столько не имѣешь власти,
Чтобъ ихъ разсудку покорить.
Коль ты не властвуешь собою,
Природѣ ль быть твоей рабою?
Тебѣ ль Царемъ вселенной быть?

Взгляни на сводъ небесъ пространный,
На тьмы висящихъ въ немъ шаровъ,
На блескъ всѣхъ солнцевъ лучезарныхъ;
Представь безчисленность міровъ,
Которыхъ лучъ отъ перва вѣка
Не долетѣль до человѣка;
Потомъ къ себѣ ты обратись:
Пространство міра измѣряя
И съ міромъ симъ себя ровня —
Тогда, коль можешь, ты гордись.

Но гордость общую оставя,
До частной я теперь коснусь;
Къ важнѣйшей цѣли мысль направя,
Къ тѣмъ пышнымъ Крезамъ обращаюсь,
Которы бѣдныхъ презирають

И съ хладнокровіемъ взирають
На льющійся ихъ слезный токъ.
Та гордость только заблужденье;
Сія жь сердце ожесточенье,
Изъ ада вышедшій порокъ.

Вельможа, зломъ симъ зараженный,
Рыданью страждущихъ внемли!
Вспомни, смертный ослепленный,
Что ты такая жь горсть земли.
Смѣешься ты, а братъ твой стонеть!
Ты въ роскоши, въ слезахъ онъ тонеть!
Ты въ счастіи, а онъ въ бѣдахъ!
Но ты словамъ симъ не внимаешь;
Почто жь главу ты воздымаешь?
Несчастныхъ нѣтъ на небесахъ.

О смертный! видь изъ заблужденья,
Познай удѣлъ нашъ общій ты:
Родимся мы для облегченья
Взаимныхъ бѣдствій тяготы.
Но, ахъ! ты то ли исполняешь,
Когда тѣхъ грозно отвергаешь,
Покровъ которымъ нуженъ твой?
Иль ты не слышишь ихъ стenanья?

И можно ли безъ состраданья
Несчастныхъ зрѣть передъ собой?

Страшись! наступитъ время грозно;
Спѣши спасать себя отъ бѣдъ;
Раскаяніе будетъ поздно,
Какъ смертная коса сверкнетъ;
Сверкнетъ — и духъ твой вострепещетъ.
Смотри, сколь страшны взоры мещетъ . . . —
Кто? — совѣсть, строгій нашъ судья,
Въ сей жизни адъ тебѣ покажетъ,
Злу фурию къ тебѣ привяжетъ,
Вседитея въ грудь твою змѣя.

Но коей чудною мечтою
Внезапу сталь я пораженъ?
Какой невидимой рукою
Я къ пышну храму пренесенъ?
Къ нему дорогу ограждаютъ
Кичливы кедры, что теряютъ
Свои вершины въ облакахъ.
Тщеславье двери отверзаетъ,
И въ храмъ стремительно вбѣгаетъ
Тѣснящійся народъ въ дверяхъ.

Какое дивное видѣнье
Свѣтъ солнечный блистаньемъ тьмитъ

И помрачаетъ слабо зрѣнье!
Богиня храма то сидитъ:
На счастье опершись рукою,
Небесъ касаяся главою,
Въ срединѣ пышныхъ олтарей,
Ногами скиптры попираетъ,
И взоръ презрѣнія кидаетъ
На скованну толпу Царей.

Взирая на сіе блистанье,
О смертный! береги себя.
Сіе приманчиво сіянье,
Страшися, да не прельститъ тебя.
Но чтобъ отъ зла тебѣ спастися,
Со мной не медля пренесися
Въ прелестный сей по виду храмъ:
Предметы въ ономъ разбирая,
На мѣсто чаемаго рая,
Ты страшный адъ увидишь тамъ.

Смотри, сквозь блеска ложной славы,
Прискорбенъ сколь Гордыни зракъ!
Она за счастье и забавы
Считаетъ — ихъ одинъ призракъ.
Тоска, унынье, отвращенья,
Меньшія суть ея мученья:

Ей педовѣрчивость, боязнь
Всечасно сердце раздирають,
И безпрестанно низвергають
Ее изъ казни въ нову казнь.

Предъ ней, растрепанный и блѣдный,
Потупя взоры, *Страхъ* стоитъ;
Тамъ *Злоба*, ковы строя вредны,
Одними взглядами язвить.
Упылое сихъ мѣсть молчанье
Лишь притѣсняемыхъ рыданье
Дерзаетъ иногда прервать;
Но Гордость онымъ не внимаетъ —
Услыша жъ вопль, повелѣваетъ
Въ темницу бѣдныхъ низвергать.

☆

Тамъ *Зависть* подлая клевететь,
Стремяся ближнихъ очернить,
Жельзо тамъ *Пристрасть* блещеть,
Грозя невинность поразить.
Коварной хитростью поправы,
Усердые, *Истина* изгнанны,
Не смѣютъ храмъ дверей отверсть;
Но вольной входъ въ него имѣеть,
Сплетать хвалы Богинѣ смѣеть,
Съ челомъ мѣдянымъ нагла *Лесть*.

☆

Какіе горды исполины
Грозятъ главами небесамъ ?
И мнится, что изъ нихъ единый
Удобень испровергнуть храмъ.
Къ стопамъ ихъ Подлость принадасть,
И ихъ колена лобызаетъ;
Но каждой изъ колоссовъ сихъ,
Его коль выше кто явится,
Предъ тѣмъ въ Пигмея претворится,
И спѣсь его исчезнетъ въ мигъ.

☆

Взгляни теперь на исходящихъ
Изъ храма пышнаго сего :
Ты слышишь горько ихъ стенящихъ
Отъ заблужденья своего
Сіянья счастья лишены,
Отъ всѣхъ оставлены, презрѣнны,
Идутъ въ пустыню жизнь влачить.
Почто жъ къ друзьямъ не прибѣгаютъ ?
Увы ! друзей они не знаютъ,
Имъ не съ кѣмъ горестей дѣлить.

☆

Отгальнѣ, власы терзая,
Бія въ окровавленну грудь,
Несчастныхъ сихъ сопровождая,
Имъ терньемъ устилаетъ путь;
Стенанье ими притѣсненныхъ,

Иль помощи въ бѣдахъ лишенныхъ,
Пронзаеть ихъ преступный слухъ;
Ступая робкими шагами,
Геену видятъ подь ногами,
И ужась ихъ объемятъ духъ.

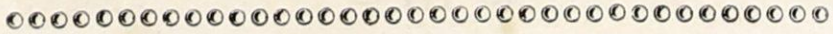

О вы, сердца ожесточенны!
Да устрашитъ примѣръ васъ сей!
На толь вы счастьемъ вознесенны
На верхъ достоинствъ и честей,
Чтобъ только для себя лишь жили,
Какъ василиски бѣ взглядомъ били
Къ вамъ прибѣгающихъ въ слезахъ?
Вы сильны и велики нынѣ;
Но будь угодно лишь судьбинѣ —
Вы завтра жь низпадете въ прахъ!

Не медли же, о смертный! боль,
Храмъ Гордости оставь на вѣкъ,
Хотя бѣ ты былъ и на Престолѣ,
Но Царь такой же человекъ.
Тогда лишь смертныхъ превышаетъ,
Когда ихъ слезы осушаетъ,
Снисходитъ утѣшать ихъ самъ;
Тогда не саномъ онъ лишь славенъ,
Онъ Титамъ, АЛЕКСАНДРАМЪ равенъ,
Тогда — подобенъ онъ богамъ.

ЛЮБОВНОЙ СИЛЛОГИЗМЪ.

Посылка первая.

Всякъ тотъ, кто страстию любовною пылаеть,
Съ предметомъ оныя всечасно быть желаетъ,
О немъ и мыслить онъ, о немъ и говорить,
И только лишь его во всей вселенной зрить.

Посылка вторая.

Я мыслю о тебѣ, Климена, безпрестанно;
Когда со мною ты, я счастливъ несказанно;
Въ отсутствіи жъ твоёмъ всѣ муки я терплю:

Заключеніе.

Такъ слѣдственно: тебя, Климена, я люблю.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Не стыдно ли тебѣ, Дамонь, быковъ бояться?
Простительно лишь тѣмъ роговъ ихъ опасаться,
Кто не имѣеть, чѣмъ отъ нихъ обороняться.

II.

Ты спрашиваешь, какъ отъ Клита отвязаться,
Чтобъ вѣкъ съ нимъ больше не видаться?
Я научу тебя тому;
Не нужно для сего браниться съ нимъ, ни драться
Дай рубль въ займы ему.

III.

Въ собраніе пришелъ смотрѣть людей Клеонъ:
Посторонись же другъ Дамонь!

IV.

Ты знаешь все, мой другъ, но кромѣ одного,
А имянно, что ты не знаешь ничего.

V.

Что водку тянетъ Титъ, то клевета одна :
Онъ ничего не пьетъ , окромъ лишь вина.

VI.

✓ Гей, сторожь братъ ! скажи чтобъ здѣсь потише были !
Кричалъ въ Присудствіи судья.
Мы десять дѣлъ уже рѣшили ,
Но не слыхалъ изъ нихъ еще ни слова я.

ПРОСТОТА ХУЖЕ ВОРОВСТВА.

Кларисъ нѣкогда приказывала мать,
Чтобъ отъ любви она старалась убѣгать,
Такъ говоря: любовь змѣи гораздо злѣе,
Медвѣдей, тигровъ, львовъ люте!
Страшисъ же, дочь моя, попасть
Тиранкѣ этой въ власть.

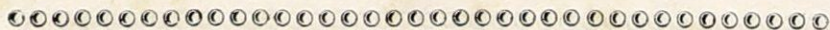
Клариса за совѣтъ такой благодарила

И вотъ что говорила:

Любезна матушка моя!

Повѣрь, что не боюсь любви ни мало я,
И нѣтъ къ опасности отъ ней мнѣ даже виду;
Но если и придетъ ко мнѣ сія змѣя,
Такъ мой Любимъ не дастъ никакъ меня въ обиду.

Э П И Т А Ф И И.

I.

Прожорть.

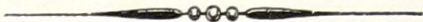
Трудолюбиваго сей камень скрывает *Глотилу* :
Зубами самъ себя изрылъ сей мужъ могилу.

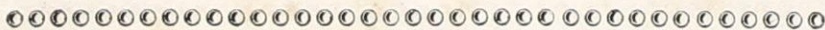
II.

Худаго больше, чѣмъ добра, творилъ Клеопъ :
Весь свѣтъ почти таковъ, и это что за чудо?
Но вотъ вещь рѣдкая, что вѣчно дѣлалъ онъ
Худое хорошо, хорошее же худо.

III.

Покойникъ почиталъ во весь свой вѣкъ закономъ,
Чтобъ жить не для другихъ, но для себя всегда.
Брегися подражать ему, прохожій въ ономъ!
Здѣсь тотъ лежитъ, кто бъ жить не долженъ никогда.

НОВЫЙ ГРѢХЪ.

Пришелъ къ попу мужикъ покаяться въ грѣхахъ;
Но вдругъ оторопѣвъ, не могъ промолвить слова.
Не знаю; отъ чего пришелъ онъ въ этотъ страхъ,
Что изъ молчанія упорнаго такова,
Попъ бившись цѣлой часъ, не могъ его извлечь;
Но чтожь? вѣдь для него не спать же въ церквѣ лечь,
И не до завтра дожидаться.

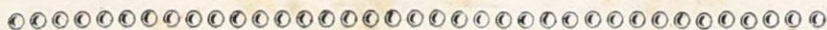
Попъ вотъ какъ отъ него сталъ толку добиваться:
Онъ началъ исчислять грѣхи чтобъ попытаться,
Авось либѣ въ томъ числѣ и на его впадетъ,

И началъ такъ: скажи мнѣ, свѣтъ,
Не лжесвидѣтель ли, не хищникъ ли ты? — Нѣтъ.
Не еретикъ ли? — Нѣтъ. — Такъ знать ты чуже-
ложникъ?

Нѣтъ! — Ну такъ атенствъ? — Нѣтъ. — Чтожь ты? —

Я пирожникъ.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Вруль хочеть о такихъ вещахъ издать творенье,
Надъ коими бь никто потеть не вздумалъ ввѣкъ.

О бѣдный человекъ!

На что онъ мучить такъ свое воображенье,
И трудной чтить ту вещь? Она не такова:
Пусть пишетъ онъ себѣ похвальныя слова.

II.

Какъ Злобинъ каменной болѣзнью захворалъ,
Причины оному никто не понималъ;
Мнѣ жь показалось не чудно то ни мало:
Знать сердце Злобина въ пузырь къ нему низпало.

III.

Увидя Спеськина, со мною весь скажетъ свѣтъ,
Что оплеушины лице его зоветъ.

IV.

Злоправа мнѣ кричитьъ : всѣ , всѣ мы таковы !
— Увы !

V.

Вредякъ злословитьъ всѣхъ , клевететь и ругаетъ ,
Лишь Бога одного въ покоѣ оставляетъ ,
И то лишь для того , что Бога онъ не знаетъ .

VI.

На Клита вѣрно бѣ я сатиру сочинилъ ,
Когда бы стоилъ онъ бумаги и чернилъ .

VII.

Скончался Чужехвать . — Не ужто ? — Въ самомъ
дѣлѣ .
— Да гдѣ же умеръ онъ ? — Онъ умеръ на постелѣ .
— Ну кто бѣ подумать могъ , чтобъ этотъ человекъ
Горизонтально кончилъ вѣкъ ?

О Д А

ВЪ ГРОМКО - НЪЖНО - НЕЛЪПО - НОВОМЪ
ВКУСЪ (*).

» Croyez moi, résistez à vos tentations,
» Dérobez au public vos occupations,
» Et n'allez point quitter, de quoi que l'on
vous somme,
» Le nom, que dans la cour vous avez d'honnête
homme,
» Pour prendre de la main d'un avide imprimeur
Celui de ridicule et misérable auteur: «

Misantr: act 1. sc. 2.

(*) Къ сочиненію сего вздора подали мнѣ мысль нѣкоторые изъ новѣхъ нашихъ стиходѣевъ изъ коихъ одни желаютъ подражать Горацию нашему Г. Д ну, а другіе К ну и Д ву; но какъ, вмѣсто вкуса и таланта, имѣють они только непреодолимую охоту марать бумагу, то и пишутъ точно такую чепуху, какую читатель найдетъ въ сей одѣ, если будетъ имѣть терпѣніе ее прочитать.

Сафиро-храбро-мудро-ногий,
Лазурно-бурный конь, Пегасъ!
Съ Парнасской свороти дороги
И прискачи ко мнѣ на часъ.
Иль давъ въ Кавказъ толчокъ ногами,
И вихро-бурными крылами
Разсѣкши воздухъ, прилети.
Хвостомъ сребро-злато-махровымъ,
Иль радужно-гнѣдо-багровымъ,
Слѣды пурпурны замети.

Жемчужно-клюковно-пожарна
Выходить изъ за горъ заря;
Изъ кубка пламенно-янтарна
Брусничный морсъ леть на моря.
Смарагдо-бисерно свѣтило,
Поднявъ огнемъ дышаще рыло,
Изъ сольно-горько-синихъ водъ,
Усо-подобными лучами
Златить, какъ будто бы руками,
На полиментъ небесный сводъ.

Сквозь бѣло-черно-пестро-красныхъ
Булано-мрачныхъ облаковъ,
Луна, стыдясь гостей столь ясныхъ,
Не кажетъ имъ своихъ роговъ;

И мертво-бѣло-снѣжнымъ цвѣтомъ
Покрывшись передъ солнца свѣтомъ,
На небѣ мѣста не найдетъ.
Вѣтръ Юго-Западно-Восточный
Иль сѣверо-студено-мочный,
Ерошитъ гладкій водѣ хребетъ.

Октябро-непогодно бурна,
Дико-густѣйша темнота,
Сурово-приторно сумбурна,
Збродо-порывна глухота,
Мерцаетъ въ скорбно-желтомъ слухѣ,
Рисуеть въ томно-аломъ духѣ
Въ уныло-мутно-кротки воды
Туманно-свѣтлый небосклонъ.
Глядятся черны хороводы
Пунцово-розовыхъ ворононь.

Но вдругъ картина премѣнилась;
Услышалъ стонъ я голубка,
У Клары слезка покатила
Изъ лѣваго ея глазка;
Катила по лицу, катила,
На щечкѣ въ ямкѣ поселила,
Какъбудто въ лужицѣ вода.
Не такъ-то были прежни вѣки
На слезы скупы человѣки;
Но люди были ли тогда?

Коль дѣвушкѣ тогда случилось
Въ разлукѣ съ милымъ другомъ быть,
То должно, дурь ей казалось,
О томъ рѣками слезы лить.
Но въ наши вѣки просвѣщенны
Какъ могутъ люди огорченны
Такъ слезы проливать рѣкой?
Вѣдь нынѣ слезы дорогія,
Сравнятся ль древнія простыя
Съ алмазной нынѣшней слезой?

Теперь посмотримъ мы, какъ вѣется
Голубушка надъ голубкомъ;
А сердце бѣется, жметъ, рветъ
И въ грудь стучитъ какъ молоткомъ.
Голубчикъ выпустилъ знать душку,
Нѣтъ жизни въ немъ ни на полушку,
Ужъ носикъ съѣжился его.
Овсянки, ласточки, синички,
Варакушки и прочи птички
Роняютъ слезки на него.

Отъ этой жалостной картины,
Читатель, если ты не взвѣль;
А отъ начальной пиндарщины
Въ восторгъ когда не приходилъ,
То сердца твоего *топъ* низокъ,

Умомъ ты къ Готтентотамъ близокъ,
И такъ какъ лютый тигръ жестокъ.
Ты бѣ долженъ на стѣну бросаться,
Или въ лоскутья истерзаться
Отъ сихъ громко-прискорбныхъ строкъ.

СПбГУ

ЭПИГРАММЫ.

I.

Скажите, отъ чего, какъ скоро ночь наступитъ,
Клиандръ начнетъ грустить и брови онъ насушитъ?
Неужто въ правду ночь виновна лишь тому?
— Нтъ, вотъ что: двумъ свѣчи не надо жечь ему.

II.

Какое сходство Клитъ съ календаремъ имѣеть?
— Онъ жжетъ, и не краснѣеть.

III.

Одважды Скрагинъ видѣлъ сонъ,
Что будто пириество давалъ большое онъ.
Отъ этого онъ сна столь сильно испугался,
Что могъ насилу встать,
И страшной клятвой обязался,
Впередъ совсѣмъ не спать.

IV.

Отъ чаю, говорить, помяте острится:
Кто много пьетъ его, умнѣй тотъ ставозится.
Сие простиительно тому лишь утверждать,
Сафона нашего кто не изволитъ звать.

V.

Мы зла единого возъяз не забываемъ;
Неблагодарности слѣды мы зримъ вездѣ:
Обиды на мѣди рѣзцомъ изображаемъ,
Благодѣянія жъ мы пишемъ на водѣ.

VI.

Про Ойрса Тигъ сказаль,
Что нѣтъ его умнѣе.
Не ужто онъ не зналь,
Что въ свѣтѣ ни чего нѣтъ клеветы грѣшнѣе?

VII.

За что не терпигъ Клетъ Дамона какъ врага?
Что сдѣлалъ онъ ему? — Рога.

Ага!

VIII.

Что Клавъ меня лѣчалъ, слухъ этотъ, другъ мой
лживъ:
Когда бъ то было такъ, то какъ же бъ я былъ живъ?

IX.

Дѣвица, кою събыльскорѣ съ рукъ желаютъ
И тщаися для сего богатѣй нарядить,
Сходна съ шилою, котору позлащаютъ,
Дабы скорѣй ее заставить проглотить.

X.

Уже ли Сильвия сдалась Коридону?
Уже ль желаніе его совершено?
Уже ли болѣе онъ не пускаетъ стону? —
— Злословіе запрещено.

XI.

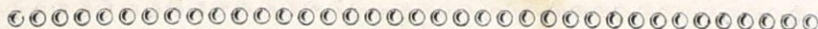
Ювъ, сей праведный и твердый человекъ,
Колико горестей и бѣдъ вкусилъ въ свой вѣкъ!
Нечистый духъ творилъ надъ нимъ различны штуки;
А отъ жены сносилъ досады, брань, докуки:
Скажите жъ, отъ кого терпѣлъ онъ больше муки,
Отъ сатаны,
Иль отъ жены?

XII.

— ○ ○ — ○ ○ — ○ ○ —
Чудно ль, что любить козловъ твой супругъ?
Свой своему по неволѣ вѣдь другъ.

XIII.

Однажды барыня спросила Астролога:
Пожалуй, дѣдушка, скажи мнѣ ради Бога,
Имѣть я буду ли дѣтей?
А тотъ повороживъ, отвѣтъ такой далъ ей,
Что будутъ у нее ихъ трое.
Тутъ мужъ, услышавши рѣшеніе такое,
Спросилъ, худова быть въ вопросѣ томъ не мня:
А сколько будетъ у меня?

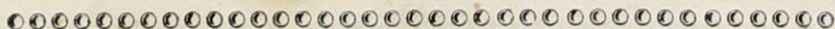

Т Р І О Д Е Т Ъ .

Юля первое число
Я днемъ блаженнѣйшимъ считаю :
Меня на небо вознесло
Юля первое число ;
Съ тѣхъ поръ я Хлою обожаю,
И знавъ , что тѣмъ ей угождаю,
Юля первое число
Я днемъ блаженнѣйшимъ считаю.

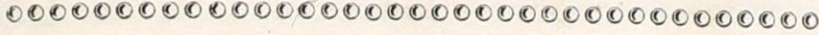

ЭПИТИМІЯ.

Клить, исповѣдавшись , назадъ вдругъ возвратился,
Отцу духовному съ усмѣшкой поклонился,
И видно, что надъ нимъ желая пошутить,
Сталь за грѣхи свои эпитимьи просить;
Но попъ ему на то: Ты о пустомъ хлопочешь,
Коль на духу ты мнѣ, дружокъ мой, не солгаль,
Что ты жениться скоро хочешь.

ПЛАЧЬ И СМѢХЪ.

Когда жестокой *сплинъ* (*) мнѣ ночью спать претить,
То вставши поутру съ тяжелой головою,
Бывало я всегда печалень и сердить,

Бранюсь съ своей судьбою ;

Всѣ бѣдствія людей я вижу предъ собою.

Мнѣ мнится, слышу смертныхъ стонъ :

Зло лѣзетъ мнѣ въ глаза тогда со всѣхъ сторонъ.

Явятся предо мной огнемъ дышащи горы,

Страданья, смерть, чума —

И словомъ, я тогда куда ни взвелъ бы взоры,

Несчастій и злодѣйствъ мнѣ всюду зрится тьма.

Потомъ изыскиваю средства,

Не лзяль чѣмъ облегчить неспосны смертныхъ бѣд-
ства!

Но видя, что ни какъ не лзя помочь тому,

И что напрасно я на то лишь время трачу,

Нахмурюсь и — зашлачу.

(*) *Spleen* — известный припадокъ Англичанъ, но которому часто подвергаются и другіе люди съ чувствомъ.

Когда же съ умными людьми я гдѣ сижу,
Иль книгу новую читаю и лежу,

При томъ здоровъ бываю;

Тогда всѣ горести свои позабываю,

И ни о чемъ я не тужу.

Тогда и то себѣ на память привожу,

Что отъ другой моей Климены

Не зрѣль и, кажется, не буду зрѣть измѣны,

И что несчастливой судьбы моей премьны

Авось-либо когда нибудь я и дождусь. —

Авосьлибо велико дѣло!

Я безъ него давно оставилъ бы сей свѣтъ;

Несчастный только имъ однимъ лишь и живетъ,

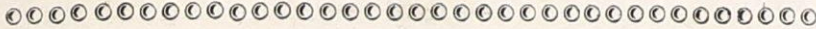
Скажу я это смѣло.

Хоть симъ *авосьлиболъ* я тщетно, скажутъ, льщуся;

Но отъ него всегда я вмигъ развеселюсь

И — засмѣюсь.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Въсы Оемидины у Клита что кривятся,
Напрасно этому дивятся.
Едва ли глупымъ дикарямъ
Незнанія такія вмѣстны;
А просвѣщеннымъ людямъ, намъ,
Законы тяжести уже давно извѣстны.

II.

Въ стаканъ Альциндоръ свой образъ зря на днѣ,
Любовію къ нему такъ какъ Нарциссъ стараетъ;
Однако же умнѣй его онъ поступаетъ:
Вопервыхъ, не въ водѣ онъ смотрится, въ вишѣ;
А вовторыхъ, своей любви тѣмъ угождаетъ,
Что милый образъ свой въ день по сту разъ глотаетъ.

III.

Страшился ты въ сей день, о бѣдная Эглея! ✓
Что Гимень, будучи Эрота посильнѣе,
Отниметъ у тебя сокровища твои.
Напрасно жъ презрѣла совѣты ты мои;
А я бѣ умѣлъ такъ постараться,
Чтобъ было не чего теперь тебѣ бояться.

IV.

✓ Силенъ, напившись пьянъ и возвратясь домой,
Вдругъ видитъ двѣ жены . . . кричитъ онъ: Боже
мой!

За что меня такъ наказуешь?
Я муку адскую терплю и отъ одной,
А ты другую мнѣ даруешь!

V.

✓ Поутру съ фонаремъ по улицамъ Тить рыщетъ:
Ужли, какъ Диогенъ, онъ челоуѣка ищетъ?
— Нѣтъ; онъ поступокъ сей вмѣнилъ себѣ бы въ
стыдь;
Онъ ни за что людей такъ колко не обидитъ. —
— На что жъ ему фонарь? — Тить всякой разъ
предвидитъ,
Что до полуночи въ шинкѣ онъ просидитъ.

VI.

Что не видалъ ословъ, нашъ Клитъ весьма жалеть;
Не ужто бороду безъ зеркала онъ брѣть?

VII.

Искусенъ въ правилахъ Врачебныя науки,
И столь въ ней силенъ Эскулапъ,
Что попался кто ему однажды въ руки,
Всю силу испыталъ такихъ медвѣжьихъ лапъ.

VIII.

Скотомъ рогатымъ Клитъ, я слышу, торгъ ведетъ,
Вотъ такъ-то нынѣ всякъ другъ друга продастъ!

IX.

Безъ мѣста чемъ мнѣ жить? такъ жалуется Момъ.
— Не ужто тѣсенъ такъ смирительной нашъ домъ?

X.

Какъ схожъ портретъ Климены!
Его не узнаютъ однѣ лишь только стѣны;
Несходство жъ только въ томъ, что онъ всегда мол-
читъ,
Но подлинникъ за двухъ довольно говорить.

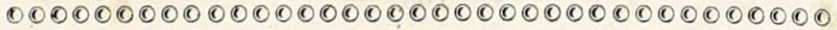
XI.

Казалось мнѣ, какъ *Будизъ* съ *Неилою* вѣнчался,
Что голодъ съ жаждой сопрягался.

XII.

Портретъ сей неподобенъ!
Со мною скажетъ то весь свѣтъ;
Души въ немъ только нѣтъ;
Но тѣмъ-то болѣе онъ съ подлинникомъ сходенъ.

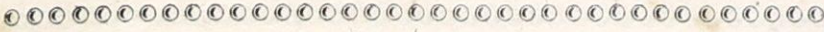

КЪ ЧЕЛОВѢКУ.

Игрушка счастья и судьбины,
Съ дурнымъ посредственнымъ смѣсь,
Кусокъ одушевленной глины,
Оставь свою смѣшную смѣсь!
Почто владыкой ты себя Природы ставишь?
Сегодня гордою пятой
Ты землю презирая давишь,
Но завтра будешь самъ давимъ землею той.

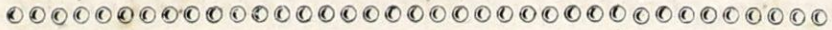

КЪ РОЗѢ.

О роза нѣжная! почто не лзя съ тобой
Мѣняться мнѣ судьбой?
У Клои на груди ты блекнешь, увядаешь;
А я бы ожилъ тамъ, гдѣ смерть ты обрѣтаешь!

БЫДЬ.

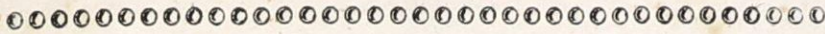
Не могли одолѣть чрезмѣрнаго азарту,
Клиандръ поставилъ все имѣнiе на карту,
И съ ошкѣ ея убили у него;

Однако жь отъ сего
Онъ даже и въ лицѣ почти не измѣнился.
Спокойствiю сему весь кругъ его дивился;

Но онъ сказалъ: друзья!

Не въ проигрышъ я:
Сего дня умерла — жена моя.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Когда смѣются надъ тобой,
Ты говоришь, пріятель мой,
Что самъ надъ тѣми ты смѣешься.
Ахъ! какъ мнѣ жаль тебя! ты вѣрно надорвешься.

II.

Охотникъ Клитъ стихи чужіе поправлять
И также прозу;
Но право чѣмъ сіе онъ можетъ оправдать?
Онъ колдуномъ себя желаетъ показать,
Въ крапиву превращая розу.

III.

Клавъ, борзый нашъ Поэтъ,
Одною славою питается шесть лѣтъ:
Такъ мудро ли же, что худъ онъ, какъ скелетъ?

IV.

Въ природѣ смерти нѣтъ! такъ Гердеръ гово-
ритъ;

Но мнѣня сего онъ вѣрно бы не держался,
Когда съ Глупономъ бы спознался,
Которой, хоть кого, въ минуту уморить.

V.

Клять голову ушибъ такъ больно пынь лѣтомъ,
Что съ мѣсяць у него въ глазахъ была все тьма;
Однако жъ отъ сего онъ не сошелъ съ ума,
А только сдѣлался — Поэтомъ.

VI.

8
Битобѣ славную поэму сочинилъ (*)
И всѣхъ читателей оцъ ею прослезилъ;
А ты, Глупоноу, намъ въ пять пудъ поэму сбря-
каль,
Но отъ твоей одинъ лишь только Ценсоръ плакаль,

VII.

Клеонъ предоброй человекъ:
Не дѣлалъ никому онъ зла во весь свой вѣкъ:
Онъ даже и во снѣ добромъ лишь только бредилъ,
И такъ, не зная за собой грѣховъ,
По смерти вѣрно бы онъ рай себѣ наслѣдилъ,
Когда бы не писалъ стиховъ.

(*) Иосифъ въ 9 пѣсняхъ.

VIII.

Клавъ разругалъ меня за то, что былъ я боленъ;
Но бранью не былъ бы одною оупъ доволенъ,
И мнѣ бѣ не миновать нль розговъ нль дубья,
Когда бы умеръ я.

IX.

Неужто Господа,
Вась это удивляетъ,
Что буквою большой всегда
Клитъ слово *лошадь* пачинаетъ?
А мнѣ то кажется отнюдь не мудрено:
Извѣстно, что давно
Чинъ чина почитаетъ.

X.

Какъ не былъ Клитъ еще женатъ,
Невѣдомо бѣ какой я сталъ держать закладъ
И всѣми бѣ клясться радъ богами,
Что пѣтъ ословъ съ рогами.

XI.

Дивишься ты, что Оирсъ такъ страстенъ къ ло-
шадямъ,
Что кормить ихъ, поить и даже чистить самъ,
Не доверяя кошохамъ,
И для животныхъ сихъ здоровье часто губить:
Чему жъ дивишься ты, коль и тебя оупъ любить?

ХІІ.

Клѣтъ, ѣхавшій въ театрѣ,
Такъ кучеру кричалъ: потише Сосипатръ!
Вѣдь насъ съ тобой въ тюрьму посадятъ, либо въ
яму,
Коль по несчастію кого задавишь ты.
А тотъ ему въ отвѣтъ: не бойтесь тѣсноты,
Сегодня, кажется, играютъ — вашу драму.

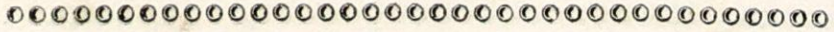
ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ РАСКАЯНИЕ.

Карпъ каялся попу , что билъ свою жену.
А часто ли, мой сынъ, спросилъ его Священникъ? —
Не рѣдко : всякой день. — Какъ всякой день, мо-
шенникъ!

За это я тебя на вѣки прокляну.
Помилуй , батюшка ; я всемъ тебѣ клянуся,
Что если эту мнѣ отпустишь ты -вину,
Съ женой въ послѣдній разъ я завтра подеруся.

ИСПРАВЛЕННЫЙ СКУПЕЦЪ.

Случилось Скрягину на проповѣди быть.
Подѣйствовала въ немъ святая бластьня;
Кричить нашъ Скрягинъ: какъ изящна милостьня!
И я съ сего часа пойду ее — просить.

ДВА ЛОГОГРИФА.

I.

Я съ головой (1) мертва, но пользу приношу :
И людямъ и скотамъ я пищу доставляю.
Отрѣжь мнѣ голову, жива я, но дышу
Лишь злобою одной, и больно уязвляю.
Теперь, читатели, отгадывать прошу :
Я, можетъ быть, сей часъ предъ вашими очами,
Или у васъ же за плечами (2).

II.

Я съ головою всѣхъ прельщаю ;
Когда жъ безъ головы, то грѣшниковъ стращаю (3).

(1) Голова въ Логогрифѣ значить начальную букву того слова
о которомъ загадывается.

(2) Слово Логогрифа есть : коса.

(3) Слово сего Логогрифа есть : садъ.

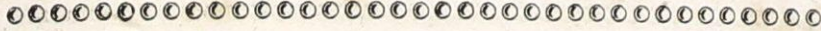

Э П И Т А Ф І Я.

Самонка мѣльникъ здѣсь зарыть,
Которой вѣтромъ лишь во весь свой вѣкъ былъ сытъ;
Но мало ли людей такую жь пищу ѣли,
Хотя и мѣльницъ не имѣли?

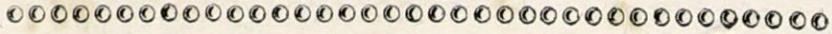
ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ.

ЧТО ЗА ЛЮДИ ДАНТИСТЫ?

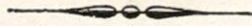

Приемы ихъ довольно грубы:
Они стараются чужіе зубы
Какъ можно чаще вырывать,
Чтобы своимъ зубамъ доставить, что жевать.

ЭПИГРАММЫ.

I.

✓
Примѣру слѣдую ученаго народа,
Клеонъ спѣшитъ свои творенья въ свѣтъ издать;
Что жь противъ этаго сказать?
Пріятно въ кучку всѣхъ дѣтей своихъ собирать;
Пріятно съ милою семьею обитать;
Но, по несчастію, *въ семьѣ не безъ урода.*

II.

Тафты, атласы и перкали,
Алмазы, жемчуги и Кашемирски шали,
Лиофы, кружева, батисты, тарлатанъ,
Да фунтовъ нѣсколько притомъ бѣлизъ, румянь,
Въ каретъ Англійской двухтысячной катають,
И модной дамою сей свертокъ величаютъ.

III.

Оргошь злымъ демономъ Кларису называетъ ;
Но въ правду ли , друзья , не любить онъ се ?
Скажите мнѣ , когда бываетъ ,
Чтобъ ненавидѣль кто подобіе свое ?

IV.

Комедіей своей Клеонъ
Всѣхъ насъ заставилъ горько плакать ?
За это гнѣвается онъ :
Шумить , ворчить ; по что пустое , братъ , калякать ,
Не лучше ль насъ простить ;
Мы предъ тобой въ вишѣ смиренно признаемся .
Теперь трагедію ты долженъ сочинить ,
И вѣрь , что мы въ твою угодность посмѣемся .

V.

Карпъ жизнь сидячую и праздную ведетъ ,
И пользы ни себѣ , ни людямъ не приносить .
Онъ дѣла по себѣ , бѣдняжка не найдетъ ,
И у друзей своихъ о томъ совѣтовъ просить .
Совѣтомъ услужить ему я очень радъ :
Пускай сошьетъ себѣ изъ перьевъ онъ халатъ ,
И пусть возьметъ подрядъ
Высиживать цыплятъ .

VI

Злослова, говорить, совсѣмъ перемѣнилась :
Видалъ ли прежде кто, чтобы она бѣлилась ?
А нынѣ безъ сего не можетъ дня пробыть.
Мнѣ кажется, теперь за умъ она хватилась ;
Не лучше ль, во сто разъ, себѣ лицо бѣлить,
Чѣмъ славу добрую другихъ людей чернить ?

VII.

Почто, несмысленная Никса,
Въ болѣзни вѣрила себя ты двумъ врачамъ !
Подобно удалымъ и сильнымъ двумъ гребцамъ :
На веслахъ мчатъ тебя они ко берегу Стикса.

VIII.

Какъ нашъ почтенный врачъ въ деревнѣ былъ пять
дней,

То объ отлучкѣ сей

Вся публика тотчасъ узнала ;

Хотя въ вѣдомостяхъ объ оной не читала.

Скажите жъ, почему ?

А потому,

Что въ городѣ при немъ мрутъ люди, какъ въ
чуму.

IX.

Дамисъ всѣмъ хвастаетъ, что изыскалъ онъ сред-
ство

Такъ Өирсу угодить, что сей ему въ наслѣдство
Пять тысячъ отказалъ,
Хоть болѣе его онъ разу не видалъ;
Но вѣрно бѣ Өирсъ дѣтей своихъ такъ не обидѣлъ,
Когда бы разъ еще Дамиса онъ увидѣлъ.

X.

Клавъ ссорится съ женой, однако жъ онъ не правъ,
И все лишь о пустомъ хлопочеть.
О чемъ бы вздорить имъ, одинъ имѣя правъ?
Онъ хочетъ быть большимъ, она того же хочетъ.

XI.

Ахъ! батюшка, ахъ, ахъ!
Какой я видѣлъ страхъ!
Клнть по уши въ долгахъ,
А сверхъ ушей — въ рогахъ.
Ахъ! батюшка, ахъ, ахъ!

БЛАЖЕНСТВА.

Блаженъ, кому всегда печаль и скука чужды;
Блаженъ, кто не имѣлъ въ родныхъ ни разу нужды;
Блаженъ, кто не ропталъ во вѣки на судьбу;
Блаженъ, ровняющій съ Расиномъ К. . . .
Сто кратъ блаженна та судебная Палата,
Котора трезвыми подъячими богата;
Блаженъ, кто не имѣлъ однакожь съ ними дѣль.
Блаженъ, кто отъ стиховъ своихъ разбогатѣлъ;
Блаженъ кто вѣрную любовницу имѣеть;
Блаженъ, кто Каптовы писанья разумѣеть;
Блаженъ ревнивой мужъ, прожившій безъ роговъ;
Блаженъ, кто, дослужась до старшихъ Генераловъ,
Ни разу не видалъ ни пушекъ, ни враговъ;
Блаженъ, кто не бывалъ издателемъ Журналовъ;
Но тотъ блаженше едва ль не всѣхъ Святыхъ,
Кто не читалъ Поэмъ и Драмъ, Клеонъ, твоихъ!

ЭПИГРАММЫ.

I.

Злоправа наконецъ разсталась съ бѣлымъ свѣтомъ,
Лиха была Грѣшно намъ говорить объ этомъ.
Пусть наслаждается спокойствіемъ она.
Какъ! развѣ вмѣстѣ съ ней скончался — Сатана?

II.

Вчера играли Магомета:
Прекрасная піеса эта.
Лишь тронуть не могла Валера одного
Спросилъ я у него
Сего безчувствія причину.
» Вини, сказалъ онъ мнѣ, ты въ томъ мою судьбу;
» Печальный видъ принять я очень бы хотѣлъ,
» Но сдѣлать этого, признаться не умѣлъ
» Мой другъ! я только лишь сего дня — овдовѣлъ

III.

Безъ яда всякаго кто хочеть быть отравленъ,
Заръзанъ безъ ножа, безъ петли быть давленъ
Утопленъ безъ воды, застрѣленъ безъ ружья,
Убитъ безъ помощи обуха, иль дубья,
Засѣченъ безъ кнутовъ, плетей и батожья.
Кто хочеть осушить до капли чашу скуки
Кто хочеть испытать всѣ казни, смерти, муки.

IV.

Эрасть совсѣмъ нашъ умираеть;
И что жъ за лѣкаремъ бѣдникъ не посылаетъ?
Не хочеть сдѣлать онъ сего,
И вотъ лишь что твердить:
Умиру и безъ него.

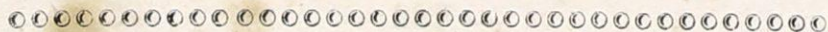
V.

Леандръ нашъ стиходѣй на Пивдара походить.
Не слога красотой,
Не мыслей высотой,
Но особливостью лишь той,
Что также какъ и тотъ не вверхъ ногами ходить,

VI.

Ламанъ вчера женись, клялся жену любить,
И ей не временно, а вѣчно вѣрнымъ быть,
Онъ клятву данную исполнить въ самомъ дѣлѣ,
Коль вѣчность кончится на будущей недѣлѣ.

Ч У Д Е С А .

Видалъ я на своемъ вѣку чудесъ не мало,
И мнѣ великое желаніе припало
Читателямъ объ нихъ здѣсь вкратцѣ разсказать.
За это многіе дадутъ себя мнѣ знать!...
Но такъ и быть! пушусь. Извольте же послушать:
Во первыхъ видѣлъ я такихъ богатырей,
Которы годовой доходъ пяти семей
Изволили въ троемъ за ужиномъ прокушать.

Видалъ такихъ я лѣкарей,
Которые не всѣхъ большихъ своихъ морили.
Видалъ такихъ господъ, которые кормили

Подвластныхъ имъ людей
Не хуже лошадей,

И ихъ не походя бранили, или били.
Видалъ подьячаго, которой трезвъ былъ такъ,
Что въ сутки хаживалъ лишь два раза въ кабакъ.

Я видѣлъ старую дѣвицу,
Которая себѣ не убавляла лѣтъ!

Клеонъ, покойной мой сосѣдь,

Имѣлъ хоть много книгъ , читалъ и былъ ужъ сѣдъ,
Но Африку считалъ за птицу ;

Однакожь , такъ какъ сей многопочтенный мужъ

Имѣлъ шесть тысячъ душъ ,

То съ Лейбницею его въ учености равняли.

Хоть дурень былъ онъ такъ собой , какъ смертной
грѣхъ ,

Но все его въ глаза съ божбою увѣряли ,

Что за поясъ заткнетъ онъ Херувимовъ всѣхъ .

Индійскихъ пѣтуховъ боялся онъ и раковъ ;

Но утверждали все , что этотъ господинъ

Легко бы могъ одинъ

Взять въ пять минутъ Очаковъ ,

И рать Турецкую побить всю кулакомъ ;

А если бы его кто назвалъ дуракомъ ,

Важнѣе всякаго то было бѣ святотатства!...

Какъ послѣ этаго не пожелать богатства!...

Но мало ли еще какихъ видалъ я штуку!

Видалъ я Русскихъ дамъ охотницъ до наукъ ;

Видалъ , что съ кошкою дружна была собака ;

Видалъ я женъ такихъ ,

Которыя мужей своихъ

Любили съ мѣсяцъ послѣ брака!

Видалъ , что сельской попъ на свадьбѣ былъ не пьянъ .

Видалъ богатыхъ я и молодыхъ дворянъ ,

Которые всегда въ большомъ хотѣ свѣтъ жили ,

Однако жъ иногда по Русски говорили .

Они жъ по нѣскольку педѣль

Версть за пять отъ Москвы живали
И тамъ , о чудеса! съ тоски не умирали.
Видалъ я чудаковъ , которые ѣзжали
За тридевять земель

Смотрѣть , какъ солнышко *заморское* садится ,
Иль слушать , какъ шумить *заморской* вѣтерокъ ,
Иль любоваться , какъ *заморской* ручеекъ
По камнямъ и пѣску *заморскими* же струится.
Какъ будто на Руси не стало ручейковъ?
Иль будто вѣтерокъ шумѣть у насъ не смѣетъ ,
И солнце Русское садиться не умѣетъ!...

Такихъ несчастныхъ я Писателей видалъ ,
Которымъ ни какихъ похвалъ
Въ газетахъ даже не сплетали!
Видалъ Россійскихъ я ученыхъ бѣдняковъ ,
Которы площади топтали!
Въ учителя жъ не ихъ Бояре къ дѣткамъ брали,
А иностранныхъ кучеровъ. —

Но этого знать мнѣ не видывать во вѣки ,
Чтобъ въ Волгѣ не было бѣлугъ и стерледей;
Чтобы злословить Оирсъ не сталъ честныхъ людей;
Чтобъ перестали грызть другъ друга челоуьки;
Чтобы Цыгане красть не стали лошадей;
Чтобы жеманиться Климена перестала;
Чтобы Москва рѣка черезъ Иркутскъ течь стала;
Пугать не стали чтобъ боярами ребятъ;
Чтобы въ Гренландію переселилась Музы;
Чтобы премудрыя Французы

Узнали наконецъ , чего они хотятъ?

О Богословіи чтобъ споры прекратилась

.....
Чтобъ денегъ кто въ займы мнѣ безъ процентовъ далъ,

Или , чтобъ наконецъ когда богатъ я сталъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Жизнь П. П. Сумарокова	страп. vii
------------------------------	------------

СКАЗКИ.

Альнаскаръ	1
Способъ воскрешать Мертвыхъ.	8
Искусный Врачъ.	22
Испытанная вѣрность.	29
Три желанія	43
Пристыженный Мудрецъ	50

БАСНИ.

Тыква и Жолудь.	65
Новизна.	68
Смерть и Дровосѣкъ	70
Пыль и Алмазь	71
Соловей, Попугай, Кошка и Медвѣдь.	72
Двѣ Собаки.	75
Отстрѣленная нога	77
Кедръ.	81

ПОЭМА.

Амуръ, лишенный зрѣнія.	85
------------------------------	----

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Послание въ Киргизъ Кайсацкому Царю Весмилу.	97
Надпись къ Портрету Александра I.	105

	стр.
Эпиграммы	106
Гордость	109
Любовной Силлогизмъ	118
Эпиграммы	119
Простота хуже воровства	121
Эпитафiя	122
Новый грѣхъ	123
Мадригаль Др. и Бхтн	124
Эпиграммы	125
Ода въ Громко-нежно-цѣлѣпо-новомъ вкусѣ	127
Эпиграммы	132
Трiолетъ	135
Эпитимiя	136
Плачь и Смѣхъ	137
Эпиграммы	139
Къ Человѣку	142
Къ Розѣ	143
Быль	144
Эпиграммы	145
Чистосердечное раскаянiе	149
Исправленный скупецъ	150
Два Логогрифа	151
Эпитафiя	152
Отвѣтъ на вопросъ что за люди Дантисты	153
Эпиграммы	154
Блаженства	158
Эпиграммы	159
Чудеса	161

С 1767

С176Гу

15p

С176Гу

Е II 2129

6-2229

